

ВЕСТНИК

Духовных Христиан-Молокан

4-й год издания.

Апрель 1928

№ 4

ОГЛАВЛЕНИЕ

журнала «Вестник Духовных Христиан-Молокан»

Новый завет — *И. С. Никитин*. О чаше Господней и о чаше бесовской и о трапезе Господней и трапезе бесовской — *Н. Ф. Кудинов*. Страдания Христовы — *Я. И. Гончаров*. Юноше. Усталому другу — *Я. И. Гончаров*. О преломлении — *И. Шадрин*. К 100 летию юбилею со дня рождения Льва Николаевича Толстого — *М. Ермаченко*. Письмо И. И. Бондаренко — *Н. Ф. Кудинов*. Некролог — *Н. Е. Рябов*.
Сообщения с мест.

О чаше Господней и чаше бесовской и о трапезе Господней и трапезе бесовской.

(Продолжение).

I.



статье, под таким же названием, помещенной в предыдущем № 3 нашего журнала «Вестник духовных христиан-молокан», мы, на основании слова Божьего ветхого и нового заветов, дали исчерпывающие объяснения, что Христос, на последней вечере с учениками, совершал в последний раз с ними еврейскую пасху, не имел в виду устанавливать для учеников и для верующих во Христа никакой видимой «чаши и хлебопреломления» которые ныне принимаются буквенными христианами-сектантами, а также не устанавливал никакой «евхаристии» пресуществления хлеба в плоть Христа и вина—в Его кровь, принимаемых католичеством и православием, и что видимые буквенные чаши и трапезы не есть установления Господни, но выдумки человеческие и приносятся не Богу, а бесам, потому, что Бог не в каких видимых буквенных приношениях не имеет никакой нужды и не требует служения рук человеческих, а нуждаются в этом люди, обслуживающие религиозные культы непросвещенных масс, которые по своему невежеству и фанатизму несут этим служителям религиозных культов свои трудовые гроши, как это

делали вавилоняне во время пророка Даниила, откупаясь этими жертвами и связанными с ними обрядами от грехов и преступлений.

Если мы обратим серьезное внимание на те тексты св. писания, на которых основываются буквенные христиане, приемлющие видимые обряды крещения и соблюдающие еврейскую пасху, тщательно разберемся в них, не поверхностно, с внешней стороны, а со стороны их внутреннего смысла и духовного содержания, то нам станет понятным, что Христос не только не устанавливал новых каких-либо обрядов и постановлений, исполнение которых могло бы приближать верующего человека к царству Божьему, но Он все, ранее установленные, обряды и постановления, законом Божиим данным чрез Моисея, отменил, исполнивши их до последней черты и ноты с тем, чтобы освободить человечество от их исполнения, как от совершенно ненужного и вредного служения Богу.

Возьмем евангельские исторические справки о последней еврейской пасхе, совершенной Христом с учениками на последней вечере, тщательно рассмотрим их, согласуем с другими местами св. писания, и мы увидим, что в этих справках нет ни малейшего намека на то, что Христос учреждает на этой вечере «чашу и преломление хлеба» или же «евхаристию» — пресуществление хлеба в плоть Христа и вина в Его кровь. Чтобы уразуметь глубины таин Божественных писаний и утвердиться на них, как на якорю спасения, сделаем это, с Божией помощью, беспристрастно, без всякой предвзятой мысли, с одним лишь желанием объяснить эти исторические евангельские справки так, как угодно было Святому Духу изложить их.

II.

Последняя вечеря нашего Господа Иисуса Христа, проведенная Им с учениками за пасхальным агнцем, закалаемым евреями ежегодно в знак избавления их первенцев от истребления при исходе их из земли Египетской, описана тремя евангелистами: Матфеем, Марком и Лукой в очень кратком и сжатом изложении, с очень незначительной разницей. У Иоанна евангелиста, любимого ученика Господа, последняя вечеря Христа с учениками описана в очень обширном виде, при чем у Иоанна во всех 4-х главах, посвященных описанию этого исторического события, со 2-го стиха 13 и до последнего стиха 16 главы ни одного слова не сказано ни о хлебе, ни о чаше, а сказано подробно о Его беседе с учениками, о том, как они должны жить между собою, показав при этом пример омытия ног всем ученикам с тем, чтобы и они делали так же. В этой вечерней беседе Христос более всего говорил о любви, как о главной заповеди, которую ученики должны соблюдать, об утешителе-Духе Святом, которого пошлет им Спаситель и который будет для них руководящей силой во всей их деятельности, о мире, который дает им Христос. Одним словом, по свидетельству евангелиста Иоанна, Спаситель мира, на последней вечере с учениками, совершая еврейскую пасху перед Своим страданием, развернул перед учениками всю картину их последующей деятельности, указал на все те препятствия, какие им будут встречаться на пути, на те трудности с какими они будут преодолевать все эти препятствия и на конечный результат их работы по распространению Его учения. По этому

свидетельству мы не видим ни одного слова по вопросу об учреждении «хлебопреломления и чаши», о которых, якобы, говорил Христос по свидетельству прочих евангелистов, которые беседу Христа с учениками описали в нескольких словах. Если евангелист Иоанн обошел молчанием такой важный вопрос, как установление преломления хлеба и чаши, или, как признают православные: «пресуществление» хлеба в плоть Христа и вина в кровь Его», «евхаристия», то нам необходимо глубже проникнуться в разрешение этого столь важного для верующих вопроса, точнее и глубже исследовать все места Евангелия, в которых так или иначе говорится об этих предметах, тщательней разобраться в них с тем, чтобы определить точно, что разумел апостол Павел под чашей Господней и чашей бесовской, и под трапезой Господней и трапезой бесовской? Какая именно чаша и трапеза должны быть приняты верующими: буквальная — видимая, или же духовная — невидимая?

III.

Начнем объяснение текстов писания с повествования евангелиста Матфея 26; 26—29, где говорится о преломлении хлеба и о чаше. Вот что говорит Матфей: «И, когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил, и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите; сие есть тело Мое. И, взяв чашу и благословив, подал им и сказал: пейте из нее все; ибо сия есть кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов. Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в царстве Отца Моего. И, воспев, пошли на гору Елеонскую, продолжая беседу».

Из этого повествования евангелиста Матвея мы видим, что Господь наш Иисус Христос, совершая еврейскую ветхозаветную пасху, учрежденную в память исхода израиля из Египта, в последний раз с Своими учениками, в момент, когда они ели ее, взял хлеб, благословив, преломляя, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите, сие есть тело Мое. У евангелиста Луки добавлено: «которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание». Апостол Павел, вместо слов: «которое за вас предается», в своем объяснении этого события, сказал: «за вас ломимое» (1 Коринф. 11; 24). Христос взял хлеб, — какой хлеб? Видимый, буквальный? Конечно, видимый, буквальный, скажут нам. И действительно, хлеб, преломляемый Христом, был видимый, буквальный — этого отрицать нельзя. Но почему этот видимый, буквальный хлеб, Христос называет Своим телом? И мог ли этот видимый, буквальный хлеб, по словам Христа: «сие есть тело Мое», превратиться в Его тело, перестать быть хлебом? Что разделило между собою ученики и что они ели: хлеб или тело Христа? Если ученики ели хлеб, превратившийся в тело Христа, то они ели не тело Христа, а хлеб, превратившийся в Его тело, действительное же Его тело осталось в полной неприкосновенности, от него ученики ничего не могли взять, Он телесно молился и страдал, Его тело было распято на кресте, погребено во гробе и воскресло в третий день, в этом распятом и воскресшем теле Христос и вознесся на небо к Отцу Своему небесному так, что от Его тела ничего не осталось на земле.

Если мы допустим мысль, что, по словам Христа, хлеб превратился в Его тело, которое было учениками съедено, то как мы согласуем слова Спасителя, сказанные Им раньше: «Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне, и Я в нем». Если ученики ели именно тот хлеб, о котором говорил Христос (Еванг. Иоанна 6; 56), то они тотчас же получили бы вечную жизнь, пребывали бы во Христе, вошли бы в Него, а Он вошел бы в них, и Христос и ученики были бы одно неразрывное существо, — Он в них, а они в Нем, все вместе пошли бы страдать, вместе воскресли бы и вместе вознеслись бы на небо. Кроме этого, если, по словам Христа, хлеб превратился в Его тело, то может ли произойти такое чудо, по словам других людей, хотя бы даже по словам апостолов? Особенно по словам людей, подверженных слабостям и грехам? Может ли кто-либо из людей взять простой обыкновенный хлеб, давать другим и говорить: примите и ядите, сие есть тело Христа, и может ли от этих слов: «сие есть тело Христа» хлеб превратиться в тело Его? Могут ли люди, особенно люди грешные, совершать такие чудеса? По нашему глубокому убеждению — таких чудес из людей никто не может совершить, и мы не видим, чтобы совершали их ученики Господни, даже после того, как на них сошел Дух Святой во время пятидесятницы. Если бы это было нужно, если бы посредством такого чуда нужно было спасти грешников, то ученики, как только получили Дух Святой, тотчас же занялись бы этим делом: потребовали бы хлеба и вина в таком количестве, чтобы его хватило для всех собравшихся во время шума, когда на них сходил Дух Святой, и тут же начали бы раздавать этот хлеб и вино, превращая их в тело и кровь Христа, и кормить всех, чтобы все объединились с ними, а через них и со Христом. Но этого не видно, деятельность апостолов началась не с этого, а с проповеди о Христе, как о Сыне Божием и как о Спасителе мира (Деян., гл. 2-я). И в последующей жизни и деятельности учеников Господних мы не видим ни одного случая, чтобы они занимались преломлением хлеба с тем, чтобы он превращался в тело Христа, и кормили бы им верующих, а также не подносили верующим чаши с вином; чтобы оно превращалось в кровь Христа, чтобы пили ее.

Наконец, можно ли заготавливать из хлеба и вина заранее тело и кровь Христа с тем, чтобы кормить миллионные массы верующих этим хлебом—телом Христа и вином—кровью Христа, как это делают католики и православные, у которых имеются особые сооружения, вроде фабрик или заводов, на которых притовляются эти продукты для очищения верующих от грехов и беззаконий, накапливаемых в течение целого года? Ведь если бы это было нужно, то Христос озаботился бы дать подробные указания своим ученикам, как нужно притовлять Его тело и кровь, из какого хлеба и вина, в каком количестве и т. д. Но мы этого не видим в новом завете. Из того же, что произошло на последней вечере, как это описано тремя евангелистами, во время совершения Христом с Своими учениками еврейской пасхи, нельзя делать выводов, что Христос имел в виду учреждение хлебопреломления, или так называемой «еххаристии» потому, что в словах Христа не заключалось повеления ученикам ломать и давать другим, а принимать от Него и есть, и слова, внесенные Лукою: «сие творите в Мое воспоминание»

нельзя понимать в повелительном наклонении, чтобы они творили в будущем потому, что слово «творите» есть глагол, объясняющий образ действия настоящего времени, и в переводе на чисторусский язык означает: «делаете», а не «делайте». И если бы даже допустить мысль, что слово: «творите» — глагол повелительного наклонения, то это повеление относилось только к ученикам Господним на данное время, т. е. принимать то, что Господь дает им, но никак не давать другим, ибо для того, чтобы делать в будущем: принимать хлеб и вино из рук Христа, необходимо пребывание среди них Христа телесно. Но так как Христос телесно вознесся на небо, оставив их на земле одних, они были лишены возможности принимать из Его пронзенных рук хлеб и вино, которые могли бы превращаться в Его тело и кровь, следовательно, они и не могли выполнить Его повеления.

Заповеди же: брать хлеб и давать другим, чтобы они ели, как тело Христа и вино, чтобы пили, как кровь Христа, Спаситель ученикам не давал, и ученики никогда этого не делали, никогда не брали хлеб, никому его не давали и потому и не могли никогда говорить: «примите и ядите, сие есть тело Христа», и сами никогда не брали хлеба с тем, чтобы вкушать его, как тело Христа, равным образом, мы не видим из нового завета, чтобы ученики Господни давали кому-либо чаши с вином, говоря: «сие есть кровь Христа, пейте ее» и т. д.

Само собою разумеется, и каждый верующий должен понять, что такое важное учреждение, как принятие обыкновенного хлеба, как тело Христа, и вина — как Его крови, апостолы должны были бы поставить во главу всего учения Христа, должны были бы дать точные разъяснения, через какие молитвы, через каких людей, когда и при каких обстоятельствах должно быть произведено чудо превращения хлеба в тело Христа и вино — в Его кровь, чтобы посредством введения их в организм человека изгнать из него все грехи и беззакония, очистить его от всякой скверны и пороков. Но такого, не только точного и подробного разъяснения, но и намеков на то, чтобы учреждать хлебопреломление или чашу, в евангелиях нет. Те же места трех евангелистов, какие мы привели, не имеют ни малейших признаков повеления Господня творить то, что творит современное христианство. Если бы в этих местах евангелия говорилось об учреждении хлебопреломления и чаши, или «евхаристии», то все христиане совершали бы эти постановления одинаково, по одному общему порядку, который был бы у всех христианских объединений однородным, и все признавали бы как свою, так и других чаши и хлеб Господними, но никак не бесовскими, как это делается теперь.

Кроме того, нельзя допускать мысли, что христиане все должны делать то, что творил и совершал Христос, и что они могут это совершать. Мог ли кто из самых преданных и верных пророков Божьих совершить дело спасения мира? Могли ли апостолы Христовы принимать участие со Христом в Его страданиях и крестной смерти, в пролитии Им крови за грешников? И если бы ученики Христа пролили свою кровь за грешный мир, то из этого вытекало бы предположение, что одной крови Христа недостаточно было для спасения мира, и что для этого потребовалась кровь других правед-

ников, как бы дополнением к крови Христа, кровь Которого одна не может смыть грехов человечества. Кто же из верующих может допустить такую дерзкую мысль? Никто из верующих в спасающую силу Христа не может допустить, чтобы кровь Христа нуждалась в каком-либо дополнении для спасения грешников. И если кровь Христа, пролитая Им на горе Голгофе, является единственным средством для спасения человечества, полна Божественной силы, не нуждается в дополнении ее кровью праведников, то нужно ли ее дополнять или совсем заменять вином, которое, якобы, превращается в кровь? Ведь замена истинной крови Христа пролитой Им на горе Голгофе за все человечество; кровью; которая бы чудом превращенной из вина, есть грубая фальсификация, есть подлог и обман. Но мы знаем, что никаким чудом из простого обыкновенного виноградного вина нельзя сделать не только крови Христа, но и крови самого обыкновенного простого человека, и потому не верим в возможность преосуществления хлеба в тело Христа и вина—в Его кровь.

IV

Сектанты, вышедшие из православия и католицизма, не могли порвать связи с этими христианскими объединениями, продолжая совершать хлебопремоления и принятия чаши, основываясь, главным образом, на послании ап. Павла к Коринфянам (1 посл. 11 гл.), в котором, якобы, ап. Павел устанавливает исполнение этого обряда.

Рассмотрим внимательней это место писания ап. Павла, который, как апостол язычников, не принимавший участия в последней вечере Господней, призванный после вознесения Христа на небо, никоим образом не мог устанавливать какие-либо новозаветные обряды, вместо ветхозаветных, против которых он так усиленно боролся. Начнем с 20 стиха 11 главы 1-го посл. Коринфянам, где говорится так: «Далее, вы собираетесь так, что это не значит вкушать вечерю Господню. Ибо всякий поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден, а иной унывает. Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете немощных? Что сказать вам? Похвалить ли вас за это? Не похваляю». Как видно, у Коринфян не преосуществлялось вино в кровь Христа, а оставалось таким же хмельным, как и было, если бы у них вино преосуществлялось в кровь Христа, то сколько бы они не пили этого вина, перешедшего в состояние крови, они не были бы пьяны потому, что от крови никакого опьянения быть не может, так как кровь не содержит в себе алкоголя. Буквенные христиане сектанты объясняют это место писания так: апостол Павел не упрекает Коринфян за то, что они пили вино, а упрекает за то, что они пили его очень много, и пили не из одной чаши, а каждый своим стаканчиком или еще какой меркой жидких тел. Если бы они пили из одной чаши и пили не до опьянения, то это была бы как раз та чаша, какую Христос преподносил ученикам на последней вечере, где чаша была разделена учениками между собою поровну, но при этом объяснении буквенные христиане-сектанты осторожно обходят молчанием слова ап. Павла: «разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить?». Слова эти, не-

сомненно говорят о том, чтобы в церквях никаких выпивок и закусок не было, хотя бы это делалось по-братски, по-ровну и не до опьянения, как это было у Коринфян, и хотя бы не стаканами, а из одной чаши. Какая чаша была у Коринфян: Господня или бесовская? И может ли Господня чаша превращаться в бесовскую, или же бесовская в Господню? И почему, если может? Какую поправку вносит апостол Павел в Коринфскую церковь, указывая им на то, «что это не значит вкушать вечерю Господню». А что же это значит? — спросили бы мы апостола Павла, если это не вечеря Господня, не Его трапеза? А это значит то, что я сказал вам в 10 главе этого моего послания, — ответил бы нам Павел; — прочтите 21 стих этой главы, и вы увидите, что такие чаши называются бесовскими, а я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами. Но, где же грань, разделяющая чашу Господню от чаши бесовской? Какая разница в них, по каким признакам мы можем узнать чашу Господню и чашу бесовскую? Расскажите нам, апостол Павел, чтобы нам не быть участниками в этой бесовской чаше. А такие вопросы, несомненно, были задаваемы апостолу Павлу. Ты не хвалишь нас, так скажи, как это делать? И апостол Павел был вынужден повторить им то, что он говорил раньше. Как бы в оправдание себя, он говорит так: «Ибо я от Самого Господа принял то, что передал вам, что Господь Иисус Христос в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб, и возблагодарив, преломил и сказал: «примите, ядите, сие есть тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание». Так же — и чашу после вечери, и сказал: «сия чаша новый завет в Моей крови». Остановим наше внимание на этих словах апостола. Он говорит, что он передал им то, что принял от Господа, а что он принял от Господа чашу видимую — буквальную и эту чашу передал им, а вместе с чашей передал им и вино, которое, якобы, тоже дал ему Христос. Когда эта передача состоялась — неизвестно, также неизвестно, какая чаша была ему передана, та ли, какая была на последней вечере, или другая какая, и каких размеров была эта чаша, и какой формы, равным образом неизвестно, какое вино Христос передал апостолу Павлу и в каком количестве, откуда это вино было взято, для всех ли верующих того времени апостол получил от Христа вино, или только для одних Коринфян. Если допустить мысль, что Спаситель передал в распоряжение Павла вина для всех верующих, которых тогда насчитывалось несколько церквей, то количество вина должно быть не один десяток бочек, и чаш должно быть не одна, а несколько, по числу церквей, тогда существующих.

И если Спаситель передал Павлу невидимую буквальную чашу, и невидимые хлеб и вино, то что же именно Он ему передал и что апостол Павел передал Коринфянам?

Из дальнейших разъяснений ап. Павла мы увидим, что он передал Коринфянам не хлеб и вино, а то, что говорил Христос на вечере ученикам, а именно — что хлеб, который Он преломлял — Его тело, и чаша — в Его крови новый завет, что тут ничего нет буквального, никакого хлеба и никакого вина, следовательно, не должно быть, а Коринфяне не поняли этого, начали подражать вечере Господней, начали собирать хлеб и вино, приносить их в церковь и там устраивать «хлебопреломление», с обильным

излиянием вина, от которого некоторые упивались, а может быть только некоторые не упивались. Дальнейшее пояснение апостол делает от себя, говорит им то, чего он не принимал от Господа и чего Христос не говорил на вечере, а именно: «Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе он придет». Что это за хлеб «сей», который они едят всякий раз, что означает слово «сей»: тело Христа, о котором шла речь или хлеб видимый, естественный, который ели Коринфяне, запивая вином? И что за чаша «сия»: та ли это чаша, которую принимали Коринфяне, или же та, о которой говорил Христос на вечере и о которой говорит Павел: «сия чаша есть новый завет в Моей крови». О какой чаше сказано: «сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание, о той, которую Христос давал Своим ученикам, говоря: «сия чаша есть новый завет в Моей крови» или же о той, какую принимали Коринфяне? Если мы допустим мысль, что апостол Павел говорит о той чаше, какую принимали Коринфяне,—чаше, наполненной вином, которую они пили, то каким образом эта чаша могла возвещать смерть Господню, доколе Он придет? Неужели смерть Господня возвещается только теми людьми, которые принимают чашу с вином и в тот момент, когда совершается процесс принятия вина? Тут что-то не так. Ведь чаша Господня, есть новый завет в крови Иисуса Христа и смерть Господня возвещается только через новый завет, в котором и содержится то новое вино, о котором говорил Христос. «Истинно говорю вам: Я уже не буду пить от плода виноградного до того дня, когда буду пить новое вино в царствии Божием». Если Христос отказался пить от плода виноградного, заменив чашу ветхого завета чашей Своего страдания в Его крови и эту чашу предложил пить Своим ученикам, а также и всем верующим в Него, то почему же буквенные христиане, называя себя верующими, отказываются пить чашу Господню в Его крови, а пьют чашу, в которой вино. Наконец, если допустить, что Христос именно и пришел для того, чтобы учредить эту чашу с вином, чтобы люди пили ее и тем самым приобщались бы крови Христовой, то отсюда, естественно, возникает мысль, что ввиду того, что Христом не установлено, в каком количестве должно быть принимаемо вино для возвещения Его смерти, из какой чаши: большой или малой, круглой или квадратной, все христиане, к какому бы они религиозному объединению ни принадлежали, принимающие видимую буквальную чашу, принимают таковую правильно, не нарушая повеления Господа, даже и в том случае, если они принимают ее в таком количестве, как Коринфяне, т.е. до опьянения.

Посмотрим, что говорит ап. Павел дальше в своем пояснении ошибки Коринфян. Как будто в опровержение высказанного выше соображения, ап. говорит: «Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против тела и крови Господней. Что значит: «недостойно» есть хлеб сей и пить чашу сию? В последующих словах как будто говорится о недостойнстве человека. «Да испытывает же себя человек, и таким образом, пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей». В этих словах как будто есть указание на то, что каждый человек должен проверить себя: достоин он принимать чашу сию или недостойн, если достоин—прини-

май, а если человек чувствует себя недостойным, то воздержись от принятия чаши сей. Православные так и делают: прежде, чем причащаться, они готовят себя говением—постом; прочие же буквенные христиане-сектанты, никакой подготовки к хлебопреложению не делают, будучи уверены, что они и так чисты.

Далее апостол говорит: «Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о теле Господнем». На этих словах апостола нам придется остановиться и более подробно рассмотреть их. По нашему духовно-христианскому толкованию этого места священного писания, слово: «недостойно» понимается не в смысле недостойнства человека, а в смысле недостойнства самой чаши, принимаемой Коринфянами и всеми буквенными христианами, т.-е. замены чаши Господней, о которой Он молился, чтобы Отец небесный провес ее мимо Него, чаши крови Христа, чашей с вином, принимаемой обрядовыми христианами. На самом деле: разве достойно принимать чашу, с простым виноградным вином, вместо чаши Господней и трапезы Господней? Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской; недостойно для христианина заменять истинное питье—чашу Господню, в Его крови, которая есть новый завет, чашей с вином, которая есть осуждение для всякого приемлящего ее, а не спасение, ибо всякий приемлющий чашу с вином не рассуждает о теле Господнем, он не понимает, что тело Христа, ломимое за весь мир, за все человечество, ничем нельзя заменить, ибо Христос телом своим вознес на древо грехи всего мира, а не хлебом, который Он раздавал ученикам (I Петра 2; 24) и мы умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать Ему, воскресшему из мертвых, а не кусочком хлеба (Римл. 7; 4). И грехи мира очищаются не вином, которое преподавалось Спасителем ученикам во время исполнения последней еврейской пасхи в чаше, а кровью Иисуса Христа (I посл. Иоанна 1; 7). Зная, что нетленным серебром или золотом (на которое могли бы купить хлеба и вина), искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценной кровию Христа, как непорочного и чистого агнца (I Петра 1; 18, 19). Ибо, если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело: то кольми паче кровь Христа, который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному. (Евреям 9; 13, 14 и 15). И потому Он есть ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для искупления от преступлений, сделанных в первом завете, призванные к вечному наследию, получили обетованное. (там же). Необходимо отметить следующее обстоятельство: в ветхом завете, кровь козлов и овнов могла очищать грехи, в новом же завете кровь козлов и овнов потеряла очистительную силу; на последней пасхальной вечере был агнец, кровь которого имела спасающую силу для первенцев Израиля, во время избития ангелом Египетских первенцев, было на этой вечере и вино, которое было неотъемлемой принадлежностью праздника пасхи, но вино никогда не имело спасающей силы и оно никогда не употреблялось в качестве священного предмета; и если оно было подаваемо на пасхальном вечере, то оно фигурировало на этих вечерах только в качестве

май, а если человек чувствует себя недостойным, то воздержись от принятия чаши сей. Православные так и делают: прежде, чем причащаться, они готовят себя говением—постом; прочие же буквенные христиане-сектанты, никакой подготовки к хлебопреломлению не делают, будучи уверены, что они и так чисты.

Далее апостол говорит: «Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о теле Господнем». На этих словах апостола нам придется остановиться и более подробно рассмотреть их. По нашему духовно-христианскому толкованию этого места священного писания, слово: «недостойно» понимается не в смысле недостойнства человека, а в смысле недостойнства самой чаши, принимаемой Коринфянами и всеми буквенными христианами, т. е. замены чаши Господней, о которой Он молился, чтобы Отец небесный пронес ее мимо Него, чаши крови Христа, чашей с вином, принимаемой обрядовыми христианами. На самом деле: разве достойно принимать чашу, с простым виноградным вином, вместо чаши Господней и трапезы Господней? Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской; недостойно для христианина заменять истинное питье—чашу Господню, в Его крови, которая есть новый завет, чашей с вином, которая есть осуждение для всякого приемлящего ее, а не спасение, ибо всякий приемлющий чашу с вином не рассуждает о теле Господнем, он не понимает, что тело Христа, ломимое за весь мир, за все человечество, ничем нельзя заменить, ибо Христос телом своим вознес на древо грехи всего мира, а не хлебом, который Он раздавал ученикам (I Петра 2; 24) и мы умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать Ему, воскресшему из мертвых, а не кусочком хлеба (Римл. 7; 4). И грехи мира очищаются не вином, которое преподавалось Спасителем ученикам во время исполнения последней еврейской пасхи в чаше, а кровью Иисуса Христа (I посл. Иоанна 1; 7). Зная, что нетленным серебром или золотом (на которое могли бы купить хлеба и вина), искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценной кровью Христа, как непорочного и чистого агнца (I Петра 1; 18, 19). Ибо, если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело: то кольми паче кровь Христа, который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному. (Евреям 9; 13, 14 и 15). И потому Он есть ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для искупления от преступлений, сделанных в первом завете, призванные к вечному наследию, получили обетованное. (там же). Необходимо отметить следующее обстоятельство: в ветхом завете, кровь козлов и овнов могла очищать грехи, в новом же завете кровь козлов и овнов потеряла очистительную силу; на последней пасхальной вечере был агнец, кровь которого имела спасающую силу для первенцев Израиля, во время избития ангелом Египетских первенцев, было на этой вечере и вино, которое было неотъемлемой принадлежностью праздника пасхи, но вино никогда не имело спасающей силы и оно никогда не употреблялось в качестве священного предмета; и если оно было подаваемо на пасхальной вечере, то оно фигурировало на этих вечерах только в качестве

хмельного напитка, возбуждающего веселое настроение у евреев, вспоминающих на этом празднике исшествие евреев из Египта. Другого значения вино не имело и на последней вечере Христа с учениками но так же, как и раньше, было подяно на вечере Христа с той же целью. Оттого многие из вас немощны и больны, и не мало умирает, говорит апостол (I Коринфянам 11; 30). Какой болезнью больны: физической или духовной? Какою смертью умирают: физической или духовной? Если допустить мысль, что они бывали больны физически и физически умирают, то болезнь их и смерть происходит от чрезмерного употребления вина, значит, они до того напиваются, что заболевают и умирают. Но мы духовные христиане, с этой мыслью в корне несогласны, мы понимаем, что приемлющие видимый вещественный хлеб и чашу с вином, больны духовно и духовно умирают, ибо они видимым хлебом и вином, которые они принимают в свои желудки, заменяют истинный хлеб, спешивший с небеси, о котором говорил Христос: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть плоти Сына человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо плоть Моя есть истинно пища, и кровь Моя истинно есть питье. От этого истинного хлеба и вина—тела и крови Христа, когда принимает их человек, не будет у него ни болезни ни смерти духовной. Но как же есть плоть сына человеческого и пить кровь Его? Спросят нас. Как Он может дать нам Свою плоть и кровь? Эти вопросы задавали Самому Христу (Иоанна 6; 52). И на эти вопросы ответил Сам Спаситель так: «Дух животворит, плоть не пользует ни мало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь». Значит, все сведено к тому, что плоть совсем и не нужно есть и кровь так же не нужно пить, ибо плоть не пользует ни мало, а нужно слушать слова Христа и исполнять их, и слова эти еще при жизни Христа имели силу: «Вы уже очищены через слово, которое Я проповедывал вам (Иоанна 15: 3). Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам» (там же, ст. 7).

Вот эти то слова, которые были сказаны Спасителем мира, и есть новый завет в Его крови потому, что Он, истинность Своего учения, Свои слова о любви и всепрощении запечатлел Своей кровью, Своим крестным страданием. Ученики так и поняли Его великие слова, они поняли, что не плоть и кровь Христа нужно принимать во внутрь, в желудок, а Его слова, Его великое учение о любви, о братстве и равенстве, о справедливом и братском отношении людей друг ко другу, чтобы человечество пришло к полному единству и миру. Вот что принес Спаситель на землю, а не обряды и различные человеческие постановления, разделяющие человечество на враждебные друг другу группы и группы. Христос никаких обрядов не устанавливал, никакой чаши, никакого хлебопреломления, а тем более евхаристии. И если Христос не учреждал ни того ни другого, то все эти учреждения: хлебопреломление, чаша, евхаристия и все прочие, не Его, принадлежат не Ему, а кому-то другому.

Н. Ф. КУДИНОВ.



Страдания Христовы.

Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения. Утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих. Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше. Скорбим ли мы, скорбим для вашего утешения и спасения, которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим. (2 Коринф. 1; 3-6).



Своей нагорной проповеди Господь наш Иисус Христос, кроткий Назарянин, Великий Духовный учитель человечества, Спаситель мира сказал: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедливо злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Матф. 5; 10—14).

Он знал, что как ближайшим Его ученикам, так и вообще всем Его последователям, всем исповедникам Его учения придется переносить немало разных страданий, всевозможных несправедливых преследований от людей «мира сего». Вся история человечества показала, насколько правдивы, истинны были эти, как и другие подобные этим, слова Христа.

Словами: «так гнали и пророков, бывших прежде вас», Иисус напомнил о том, что такое печальное положение на земле было всегда, ибо всегда, со времени грехопадения Адама и Евы и изгнания их из рая, со времени убийства Авеля Каином, шла борьба тьмы со светом, зла с добром, плоти с духом. Князь мира сего, сатана, исконный враг рода человеческого, всегда старался всецело овладеть теми, кто был создан по образу и подобию Божию; всегда и везде он хочет погасить в людях искру Божества, долженствующую в каждом из нас разгореться в яркое пламя великой любви. Сатана наполнен одним желанием — зловерными ядами мирских дурманов, мнимыми, иллюзорными наслаждениями вытравить залог духа, присутствие которого в человеке делает его разумным существом с разумной жизненной целью, жизненным назначением, состоящим в том, чтобы возвращать в себе Божье семя, брошенное в глубины нашего существа щедрой рукой любвеобильного сеятеля — Бога, Промыслителя мира; «возрастать возрастом Божиим» проходить путь Духовного познания, то- есть постоянно приближаться

к бесконечному совершенству Отца небесного, согласно слов Христа: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный».

«Так гнали и пророков, бывших прежде нас», — скорбно прозвучали слова, сидящего на горе и окруженного безмолвными учениками, слова Того, Кто Сам должен был перенести тяжчайшие страдания, которые предназначены были Ему от века по Божественному плану спасения человечества.

Гнали и будут гнать. Почему и для чего? На что нужны были Христовы страдания, — Его крестная смерть? Для чего нужна была Голгофа Предвечному Агнцу, закланному от создания мира? (Откр. 13; 8).

Ответ один. Для нашего спасения, для искупления человечества, для освобождения духа, заключенного в плоти нашей, от оков иллюзорности, дабы с нашим сознанием спали покровы мнимых реальностей, скрывающие от нас незримый свет, светящийся во тьме и которого тьма не может объять, «Свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Иоанна 1; 59). Но имя содействия конечному осуществлению того же Искупительного плана Воплощенного Слова, Того слова, «Которое было у Бога и Которое было Бог, чрез Которое все начало быть, что начало быть» (Иоанна 1; 1 — 2). Апостолы-ученики Христа, христиане всех веков — истинные духовные христиане, к которым принадлежал и великий апостол истинного духовного христианства, святой Павел, принимали участие в Христовых страданиях.

В этой короткой статье невозможно, конечно, всесторонне, детально выяснить глубокий вопрос о Христовых страданиях, поэтому предлагаю вниманию читателя, пока то, на что Бог благоволил.

Если идет речь о Христовых страданиях, значит, допускается существование и еще каких-то страданий, не Христовых, обыкновенных страданий.

Люди всегда страдали и страдают, и когда эти страдания прекратятся — неизвестно.

Большей частью мы страдаем от своих собственных прегрешений, беззаконий, получая заслуженное нами по Вечному закону справедливого даяния, при чем настоящий смысл этих страданий не в «Божьем мщении», а в исправлении: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся». (Откр. 3; 19). Если бывает нарушен благой закон, то Бог, как любящий Отец, хочет исправить провинившегося теми способами, какие для этого лучше подходят. Всегда бывает так, о чем обыкновенно говорят: «Что посеешь, то и пожнешь» и «У Тебя, Господи, милость, ибо Ты воздаешь каждому по делам его», говорил псалмопевец (Псалм. 61; 13).

Гонясь за призрачными благами жизни, пытаясь пользоваться незаслуженным, угнетая других, превозносясь над ними гордыней, поработав более слабых для удовлетворения своих эгоистических прихотей — греша мыслью ли, чувством ли, словом ли, делом ли — человек нарушает Божественное равновесие, порядок, гармонию, благо, единство мировой жизни и от этого получается дисгармония, беспорядок, хаос, тьма, зло, страдания, равно или

поздно обрушивающиеся на грешника, нарушителя благого закона Божия, лежащего в основе Единой Совершенной жизни.

Большинство несчастий нашей жизни и имеют причинами имели эти наши неразумные — сознательные и бессознательные — деяния. Очень часто, мы, как бессмысленные младенцы, а то и как взрослые безумцы, обжигаем свои пальцы об огонь заблуждений от неосторожного прикосновения к нему, да и не только одни свои пальцы мы обжигаем, а частенько и всей своей персоной попадаем не туда, куда следует. Почти всю жизнь лишь тем мы и занимаемся, что, как говорит пословица, «Попадаем на огня да в полымя», и это полымя — пламя наших нечистых желаний, испепеляющих лучшие порывы нашей души, мрачный огонь грязных стремлений, страстей, еще при нашей земной жизни бывает тем адским пеклом, на котором мы и жаримся. (Это-то на такой прекрасной земле, с ярким солнышком на небе и прочей благодатью — неисчислимыми дарами Божьей природы) на радость тех нечистых сил, имя которым — «легион».

Такие страдания, конечно, не могут быть страданиями Христовыми.

Христос, как непорочный и чистый Агнец, все существо Которого, включая и тело Его, было одухотворено, растворено, проникнуто Божественными свойствами Вечной любви, ибо «в Нем обитает вся полнота Божества телесно» (Колос. 2; 9), вследствие того, что Его человеческая природа была образом Воплощенного Слова-Логоса, Высшего разума, то-есть Иисус Назорей был носителем предвечного Агнца, Того Апокалипсического Вечного Христа, Который вечно рождается в болях и муках рождения Женой, облеченной в солнце; звезд на ногах которой луна и на голове — венец из двенадцати звезд (Откр. 12; 1—2), в Нем, в Котором премудрость отразилась в превосходнейшей степени, греха не было: вся жизнь Его была чудным точным выполнением воли Божьей и, следовательно, страдал Он не за Свои грехи, а за грехи всего мира; Он вознес с Собой на древо грехи всех нас, от Его голгофских страданий на человечество излился и продолжает изливаться такой очистительный поток благодати духа, которым каждый желающий может воспользоваться для своего очищения от нечистоты жизни. Да, на Своих плечах Он поднял груз чужих грехов — наших беззаконий, и продолжает их брать, ибо, Христос вчера, нынче и вовеки один и тот же, т.-е. Он страдал, был позорно распят на кресте за искупление всего рода человеческого от власти сатаны, для того, чтобы Своей всесовершенной жертвой, Своей смертью доказать истинность Своего учения, дабы мы, живя Его жизнью, торжествующей над смертью, жили разумной и счастливой жизнью. Смерть Его была необходима во исполнение Его миссии — дела освобождения страждущих и угнетенных, о чем Он возвестил в начале Своей проповеди: «Дух Господа на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым — прозрение, отпустить измученных на свободу. Проповедывать лето Господне благоприятное» (Луки 4; 18—19).

Но, как уже сказано, Он беззакония грешников продолжает брать и теперь, т.-е. и в настоящее время, Христос, будучи рас-

пинаем всеми теми, кто отрекается от Него: наше непослушание Духовному познающему началу, которое с такой полнотой было проявлено Иисусом Христом, причиняет страдание Сыну человеческому — Его телу — Истинной Церкви Христа, состоящей из всех возрожденных силою Святого Духа к новой жизни, той силой Отца небесного, которой Христос воскрес и вознес в вечные обители, о которых Он сказал: «В доме Отца Моего обителей много» (Иоанна, 14; 2), вследствие чего члены этой Единной Духовной Церкви Любви — истинные духовные Христане — переносят страдания Христовы, но «по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше»; состоящее в том, что, страдая за исполнение заповедей Господа, жертвуя собою за правду Божию, служа человечеству Высшим служением, каждый призванный к этому служению, умирая смертью Христовой, воскресает Его воскресением, обновляется к высшей более радостной, истинной жизни. «Сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе. Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. Так и написано: «первый человек Адам стал душою живущею (Бытия 2; 7), а последний Адам есть дух животворящий» (1 Коринф. 15; 43—45).

Если же Христос еще распинается, если Агнец, закланный от создания мира (Откр. 13; 8) еще висит на кресте и над Ним ругаются, то, понятно, почему должны продолжаться и страдания Христовы; ясно также, что в них мы должны принимать радостное участие, сопровождающееся утешением Христовым, потому что это необходимо для нашего исполнения той работы Христа, о которой Он возвестил словами пророка Исаии «Дух Господень на Мне» и т. д.

Иначе говоря, великая работа Христа, через которую проявляется, реализуется сила Его, продолжается всеми истинными христианами, составляющими тело Христа, всеми борцами за истину, за Единую, Всеобъемлюще-Совершенную, Вечную правду Божию, которые борются за светлое будущее человечества, за устроение Царства Божия на земле — находящееся внутри нас и которое «усилием берется», «дабы святылось Имя Его, пришло Царство Его и была воля Его и на земле, как на небе», а, следовательно, они, подобно древним христианам, подобно апостолу Павлу и другим апостолам, принимают участие в Христовых страданиях. Ведь христиане всех времен и всех народов были гонимы и преследуемы не за свои грехи: они были лучшими людьми своего времени; как беззачитные овечки среди злых волков — озлобленных, не познавших истину самоотвержения людей, безропотно, с тихой радостью, совершенной радостью во Святом Духе, — вспомните Стефана, побитого камнями, и многих других, — несли крест Христов, крестились тем огненным крещением, каким и Христос крестился на кресте, о чем Он раньше говорил: «Крещением Я должен креститься, и как Я томлюсь, пока сие совершится». Не вещественный крест они носили на своей груди, как носят теперь многие обрядовые христиане — православные, католики и др. — а умирали смертью Христовой и воскресали воскресением Христовым и, как воскресшие со Христом, они искали горнего, о горнем по-

мыслили, а не о земном, стремились в вечные обители неба, где нет ни плача, ни вопля, ни воздыхания, ни болезни, ни смерти. Их страдания, их святой труд, их дивные подвиги в борьбе со злом жизни, их скорби Христовы не были тщетными.

Дело возрождения человечества истинною церковью Христа продолжалось, несмотря на все гонения ее царями и князьями, совместно с обрядовыми, которые, заключивши союз с сильными «мира сего», вместе с ними не брезгая никакими средствами, мешали устройению царства Божия на земле, на основе всесовершенной любви Христовой, свободы, равенства и братства. Не останавливается это святое дело и теперь, и будет все более и более развиваться до полного освобождения человечества от всего, мешающего людям жить разумной и счастливой жизнью, насколько она может быть таковой на этой земле—юдоли скорби.

Несомненно, что для осуществления великих обетований Божиих, и после гоголевских страданий Сына Божия Иисуса Христа, как определенной исторической личности, Его Истинной Церкви, вследствие того, что Агнец, закланный от создания мира, или Дух разумения, скованный временем и пространством, все еще находился на кресте; как и теперь нам, — телу Его, — всем истинным христианам нужно было делить с Ним, Начальником жизни и Совершителем веры нашей, страдания Его, ибо только через посредство этих страданий проявлялось и проявляется искупительная сила Христа. Обетования Божии совершаются, а потому «врата адавы не одолеют церкви Христа»: Дело Христа не погибло, хотя Он — Агнец — и висит еще на кресте, и ругаются над Ним, добро все усиливается, зло побеждается и близка полная победа Победившего, как оно уже было побеждено Им, сказавшим: «В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир». Победа же Христова есть наша победа, всех работников Божиих, воскресение Христово — наше воскресение, поэтому все усилия, даже самые незаметные и незначительные, воинов Божиих, борцов Великой Армии спасения человечества, вождь которой — Христос-Первосвященник по чину Мельхиседека, не проходят бесследно, так или иначе они сказываются и уже сказались на судьбах всего человечества, хотя бы, между прочим, тем, что времена грубых гонений за истину, диких преследований всех выискующих Божьего града, нового торжествующего Иерусалима, прошли безвозвратно. Но борьба света со тьмой еще продолжается, а, следовательно; продолжают и страдания Христовы, и этих страданий и в наше время не мало. Масса людей прячется в скорлупах своего мизерного животного счастья, погружается в болото личного эгоистического устройства своей жизни на словах исполнении человеческого обрядового служения Богу, доказывая, что спасение только в них. И эти гасители духа ставят всячески препоны истинному просвещению людей, чем они и причиняют страдания истинной церкви Христа; чуткие люди—члены церкви Христа, Сущего от начала, Союз Мира и любви, скорбят от невозможности немедленно устранить все кошмары жизни, от непонимания, даже своими близкими по плоти, которые продолжают строить еще вавилонскую башню, а потому и говорят на разных духовных языках: не понимают друг друга; при чем эти страдания в чутких людях часто переходят не-

замечеными от других: не легко узнаешь в другом процессы его внутренних переживаний, а сами борцы за истину обыкновенно скрывают свои душевные скорби, переживаемые ими за истину от пошлости окружающих, от одиночества, так как члены истинной церкви внешне еще не объединены: они находятся во всех религиозных общинах и группах и носят разные названия. Всех этих ненормальностей они не могут не чувствовать, хотя и знают, что приближается время, когда все возрожденные к новой жизни объединятся в одну тесную братскую семью.

Эти и другие аналогичные им страдания — тоже страдания Христовы, так что в этом смысле Церковь Духа и Истины гонима и в настоящее время, и гонима, главным образом, не господствующими официальными церквями (в большинстве стран в наши дни свобода совести, особенно в СССР), не властями духовными и светскими: мы живем, слава Богу, не в эпоху средневековья, не во времена «св.» инквизиции, а преследуется она всеми несознательными людьми, людьми разных положений, где бы они ни находились и, прежде всего, в каждом из нас самих, внутри нас, происходит борьба нашего духовного разума с нашей же низшей животной частью, имеющей свою особую земную «правду», которая и есть антихрист в нас, т.е. искаженная тень Христа — противник Его.

Но хотя Христос — распятая любовь за нас — и слышит крики и стоны мятущегося человечества, скрежет зубовой порабощенных, забытых нуждой, эксплуатированных, и хотя продолжают еще литься моря невинной крови — Великая Тайна искупления человечества совершилась: Голгофские страдания не напрасны были. О, нет, Смертью смерть поправа, а потому не задержится и конечное осуществление по неисповедимым премудрым путям Божиим, великих обетований Божиих, ибо все более и более увеличивается число тех, кто в великих скорбях, т.е. участием в страданиях Христовых, омывает одежды свои и убеляет одежды свои кровью Агнца (Откр. 7; 14).

В минуты сомнений, — а с кем они не бывают — даже наш Божественный учитель в часы Гефсимановского томления, восклицал исподневный великою печалью: «Отче, если возможно, да минует Меня чаша сия» (Матф. 26; 39), когда темные тучи закроют яркое солнце правды, а море житейское разбушуетя вокруг твоей непрочной ладьи, на которой ты совершаешь свой опасный путь по неисследованному еще бурному морю жизни, стремясь к тихой вечной пристани, не смущайся, брат мой и сестра моя, не бойся и не избегай Христовых страданий, памятуя слова апостола Павла: «Ибо по мере, как умножаются в нас Христовы страдания, умножаются Христом и утешения наши». Наши страдания за истину суть страдания Сына человеческого, т.е. в нашем лице страдает Христос, Спаситель мира, Он же Вечносущий Сын человеческий, грядущий на облаках небесных, искупивший и омывший нас от всех грехов наших кровью Своей.

Теперь каждому человеку остается одно: принять этот драгоценный дар искупления, надеть на себя одежды праведности, омытые и убеленные кровью Агнца, а для этого нужно нести с Ним крест Его, взять на себя иго и время Его, «ибо иго Его благо и

бремя Его легко». Только разделяющий со Христом иго и бремя Его во имя Великой Тайны искупления, во имя нашего спасения входит в общение со всею Христовой Церковью, делается действительным членом Единой, Вечной, Всеобъемлюще-Совершенной, вселенской религии Истины, истинных духовных христиан, и тогда этого члена, как живого и дееспособного члена Тела Христова, не омутят все козни и преследования непросвященных, темных, злых людей, все силы нечистого, не могут лишить его Христова утешения.

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царство небесное». Малопохвальные страдания наши за наши грехи, но как прекрасны, как необходимы нам скорби наши за правду Божию.

Итак, страдания Христовы состоят в том, чтобы простить своему должнику тот долг, который по закону справедливости имеет полное право получить: «прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Сделать добро своему врагу: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мтф. 5: 44).

Посвятить всего себя Богу: все свои силы, знания, способности—духовные, душевные и телесные, материальные и духовные имущества, тело, и душу и дух отдать на дело освобождения и облегчения условий жизни несчастным, томящимся в сумерках нашей земной жизни, в физическом и духовном рабстве, «ибо все наше — Боже, а не наше»: «все из Него, Им и к Нему».

Они—эти Христовы страдания—в том, чтобы жизнь свою отдать за друзей своих: «Нет больше той любви, как если кто положит душу (жизнь) свою за друзей своих». Подобно тому, как семя, посеянное в землю, погибает там, как семя, лишь для того, чтобы в виде растения, приносящего плоды, возродиться к новой жизни, так и жертвующий собой на нерукотворенном духовном жертвеннике любви, возрождается к новой жизни, воскресает воскресением Христовым, «дабы как Христос воскрес из мертвых славою Отца, он мог ходить в обновленной жизни» (Римл. 6; 4); отдавая себя, человек истинно приобретает себя: «Кто соблюдет душу свою, тот потеряет ее, а кто потеряет, тот обретет ее». Такое отдавание себя радостно в том смысле, что оно содействуется великим утешением Христовым. И это бывает лишь тогда, когда делается не из корыстной цели — награды, а по свободным побуждениям прорасширенного сознания и от переполненного любовью сердца — всякая наша жертва должна быть свободной, легкой, радостной. Такова дарящая добродетель самоотверженного. Отдавая другим свое хорошее, брать от них плохое и совершить с этим плохим «чудо» превращения в хорошее, суметь заставить плохое в других служить в целях хорошему, так, будучи несправедливо оклеветанным, обвиняемым в несовершенных тобою, а другими, преступлениях, оставаться радостным, готовым переносить все злоключения жизни: от этого увеличивается общая радость жизни. Брать на себя чужие грехи, нести тяжести более слабых, как и Христос, Который не за Свои, а за грехи всего мира распялся, безропотно переносить всякие напасти, печалиться чужою печалью, болеть болезнями других, чувствовать чужое горе, как свое, любить всех лю-

ремя Его легко». Только разделяющий со Христом иго и бремя Его во имя Великой Тайны искупления, во имя нашего спасения входит в общение со всею Христовой Церковью, делается действительным членом Единой, Вечной, Всеобъемлюще-Совершенной, вселенской религии Истины, истинных духовных христиан, и тогда этого члена, как живого и дееспособного члена Тела Христова, не смутят все козни и преследования непросвященных, темных, злых людей, все силы нечистого, не могут лишить его Христова утешения.

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царство небесное».

Малопохвальные страдания наши за наши грехи, но как прекрасны, как необходимы нам скорби наши за правду Божию.

Итак, страдания Христовы состоят в том, чтобы простить своему должнику тот долг, который по закону справедливости имеет полное право получить: «прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Сделать добро своему врагу: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мтф. 5: 44).

Посвятить всего себя Богу: все свои силы, знания, способности—духовные, душевные и телесные, материальные и духовные имущества, тело, и душу и дух отдать на дело освобождения и облегчения условий жизни несчастным, томящихся в сумерках нашей земной жизни, в физическом и духовном рабстве, «ибо все наше — Божие, а не наше»: «все из Него, Им и к Нему».

Они—эти Христовы страдания—в том, чтобы жизнь свою отдать за друзей своих: «Нет больше той любви, как если кто положит душу (жизнь) свою за друзей своих». Подобно тому, как семя, посеянное в землю, погибает там, как семя, лишь для того, чтобы в виде растения, приносящего плоды, возродиться к новой жизни, так и жертвующий собой на нерукотворенном духовном жертвеннике любви, возрождается к новой жизни, воскресает воскресением Христовым, «дабы как Христос воскрес из мертвых славою Отца, он мог ходить в обновленной жизни» (Римл. 6: 4); отдавая себя, человек истинно приобретает себя: «Кто соблюдет душу свою, тот потеряет ее, а кто потеряет, тот обретет ее». Такое отдавание себя радостно в том смысле, что оно сопутствуется великим утешением Христовым. И это бывает лишь тогда, когда делается не из корыстной цели — награды, а по свободным побуждениям проясненного сознания и от переполненного любовью сердца — всякая наша жертва должна быть свободной, легкой, радостной. Такова дарящая добродетель самоотверженного. Отдавая другим свое хорошее, ваять от них плохое и совершить с этим плохим «чудо» превращения в хорошее, суметь заставить плохое в других служить в целях хорошему, так, будучи несправедливо оклеветанным, обвиняемым в несовершенных тобою, а другими, преступлениях, оставаться радостным, готовым переносить все злоключения жизни: от этого увеличивается общая радость жизни. Брать на себя чужие грехи, нести тяжести более слабых, как и Христос, Который не за Свои, а за грехи всего мира распялся, безропотно переносить всякие напасти, печалиться чужою печалью, болеть болезнями других, чувствовать чужое горе, как свое, любить всех лю-

бовью, превосходящей рассудочное разумие наше.— вот в чем страдания Христовы.

Страдания же наши за наши грехи: за убийство, лож, воровство, от болезней, полученных вследствие неправильного образа жизни, как-то: пьянства, разврата, курения табаку и других дурманов, лишняя забот, гнева, зависти и т. п., не являются страданиями Христовыми. Синяк под глазом, полученный человеком в драке по его вине, не есть знак, удостоверяющий, что обладатель его — страдалец за идеи Христа.

Короче говоря, Христовы страдания — это страдания, скорби, неприятности, горе, переносимые добровольно, сознательно нами во имя блага других, страдания же наши за наши собственные грехи лишь справедливое воздаяние нам по закону вечной справедливости, посылаемое нам для нашего исправления: они — сигналы, указывающие нам, что мы идем по неправильному пути, и, следовательно, нуждаемся в изменении направления, в перемене себя, в покаянии и в плодах, достойных покаяния. Страданиями же за других мы проявляем искупительную силу Божественного учителя нашего Иисуса Христа.

А Единому премудрому Богу, Спасителю нашему, чрез Иисуса Христа Господа нашего, Которого, верою принявши в сердца и умы наши, мы своею любовью все более должны проявлять, да будет честь и слава во все дни нашей жизни. Аминь.

Я. И. ГОНЧАРОВ.



ЮНОШЕ.

О, юноша-друг мой! Да будет душа
Твоя здесь невинной всегда:
Живи на земле ты, ничем не греша,
И станешь святым ты тогда;
Увидишь тогда ты святого Царя,
Чей вечный закон лишь — любовь,
И нового Дня засверкает заря —
Грешить не захочешь ты вновь.
Бороться ты будешь со всеми врагами
Отчины своей дорогой,
Не склонишь позорно главы пред зверями—
Людьми — наполненными злой тьмой.
О, юный друг, так иди же вперед,
К отчизне своей пеземной,
В золотой град великий, жемчужных ворот,
Иди же смелей, дорогой.



ПОСЛАНИЮ ДРУГУ.

Мой усталый, страдающий друг,
Да воспрянет скорее твой дух —
Иди на жестокий ты бой
С своей злодейской судьбой.
Хотя зло торжествует еще,
Ты не плачь, умоляя ее:
На мольбы не ответит оно.
У тебя есть надежда одна:
Поскорее воспрянуть душой,
С ней, с жестокой, пачни сильный бой.

Я. И. ГОНЧАРОВ.



О преломлении.



№ 5 — 6 журнала «Вестник Духовных Христиан-молокан» за 1927 год, в статье «Молоканство и баптизм», Н. Ф. Кудинов с большой основательностью осветил сущность обряда «преломления», ошибочно узаконенного некоторыми христианскими течениями. Мне бы хотелось остановиться лишь на некоторых противоречивых моментах самого обряда и слегка коснуться истории его оформления. Сравнивая места Евангелия, послужившее основанием для разнородных «евхаристий» (Мф. 26: 26—29; Мр. 14. 22—24; Лук. 22. 17—20), мы прежде всего видим по Ев. Луки (ст. 17—20), что Иисус чашу давал ученикам дважды, чего, как известно, ни один христианин ни за причастием, ни за преломлением почему-то не делают. Затем, мысль, начатая 17 ст. Луки, вполне заканчивается 18 стихом, и таким образом мнимое повеление: «сие творите...» должно относиться исключительно к ст. 19, где речь идет только об одном хлебе без вина. Следовательно, употребление вина при преломлении или причащении, под это повеление не подходит. И действительно, в Апостольской жизни примеров обрядового употребления вина мы не находим. Деян. 2, 42, 46 нам говорит, что последователи Христа пребывали в молитвах, в радости и преломляли хлеб без вина, т. к. о вине даже не упоминается. Итак, все видящие в ст. 19 прямое поведение Христа на будущее время должны или: 1) совершать преломление без вина, или 2) при однократном преломлении пить вино из двух чаш (Лук. 22. 17 и 20).

Английский богослов Ф. В. Фаррар говорит, что у Самарян на горе Гаризим, обряд Иудейской Пасхи времен Иисуса Христа сохранился неизменным и по сей день, и из него видно, что обычно в течение Пасхальной вечера ее присутствующим чаша вином подавалась трижды. Старшим каждый раз над чашей произносилось благословение. После второй чаши старший рассказывал

о значении «Пасхи», и пелись псалмы. После третьей чаши произносилось благодарение и наливалась 4-я чаша, вылив которую, закатывали праздник опять пением псалмов. После каждой чаши раздавалась и закуска, установленная к Пасхальному Агнцу, при чем над хлебом также, как и над чашей, произносилось трижды благословение, и во 2-й раз благодарение. Ев. Мф. и Мр. упоминают о хлебе с «благословением», а Лука—о хлебе с «благодарением», розданным в конце трапезы. Пасха Иудеями совершалась в знак избавления кровью Агнца первенцев Израиля от меча, при этом закланный агнец с опресноками был прообразом Христа. Поэтому Иисус, подавая ученикам в заключение трапезы последний опресночный кусок, справедливо им напоминает, что они это в данный момент делают в воспоминание Его, т. к. это Он именно и был в свое время в образе агнца заклан для избавления евреев с их первенцами от египетского плена и смерти. Выражение «сие творите...», или, что то же, — «это делаете...», относилось к моменту совершаемой ими трапезы, и следовательно никаких следов повеления на будущее время в себе не содержит.

Пользуясь последней чашей вина после вечери (Лук. 22—20) и сходством вина по внешности с кровью, Христос объявляет человечеству Новый Завет, т. е. договор с Богом, в силу которого впредь искупление грешников достигается уже не многочисленными законными обрядами и не кровью Пасхального Агнца, а исключительно пролитой кровью самого Христа. Сравнение хлеба со своим телом на этой вечере — не ново, а есть лишь подтверждение прообраза установленного еще при выходе из Египта.

По смерти и славном Воскресении Христа и в особенности после крещения Духом Св., апостолы и прочие последователи Христа были охвачены таким подъемом, что не без основания дали повод зарождение коммунизма, с некоторым практическим его осуществлением, отнести к апостольским временам (Деян. 2. 44), (Деян. 2. 42), — читаем: «постоянно пребывали в учении, общении, преломлении хлеба и в молитвах (ст. 45), продавали имущества и «стяжания», как сказано в славянском тексте, т. е. стянутое, или накопленное, и «раздавали» нуждающимся. Из ст. 46 мы видим, что каждый день они пребывали в храме, а также (каждый день), преломляли по домам хлеб, кушали в веселии (слов. «в радости») и простоте сердца. Так как вырученные от продажи деньги (ст. 45) «разделяли всем», то ясно, что ни общей кассы, ни общегития с кухней они не имели, потому и принимали пищу (ст. 46) по разным домам, очевидно соблюдая в этом какой-нибудь порядок и очередь между собой. Из того, что «преломляли» хлеб не по «квартирам», как это делается некоторыми сейчас, а ежедневно и не в храме, а по домам, ясно, что это преломление не являлось частью принятого богослужения, а было просто неизбежной процедурой при приеме пищи (ст. 46), которая к тому же хотевшими кушать принималась с радостью и простотой сердечной, без всяких церемоний. Такого рода ломание хлеба, и к тому же с сердечной радостью, мы и сейчас можем наблюдать в домах рабочей и крестьянской бедноты, часто обходящейся за столом без ножа.

История нам говорит, что христиане первых, главным образом, 2-х веков, устраивали после богослужения (Деян. 20. 7) трапезы,

так назыв. «Агапы», или вечера любви. Стол, за которым совершались эти трапезы, сохраняя обыкновенную форму еще до 3—4 века, и до конца второго века назывался *trapeza* *Agapae*, т. е. обеденный стол Господа. С течением веков этот стол превратился в алтарь (католики, протестанты) и в престол (православные), а обычные обеденные столы первых христиан — в таинственные «причастия» и в торжественные «преломления». Между прочим, термин алтарь впервые введен Тертулианом в конце II века.

Желание первых христиан устраивать «агапы», конечно, возникло, прежде всего, из стремления иметь тесное общение единомышленников, т. е. последователей Христа, отсюда естественно, что ученики вечера любви, при виде чаши с вином и ломаемого хлеба, неизбежно должны были вспоминать еще совсем недавно бывшую в своем роде историческую трапезу Иисуса со своими учениками, — вспоминать его Божественное учение, и тем самым чрез видимые предметы мысленно входить в общение с Христом, как бы приобщаясь к Нему (1-е Кор. 10—16). Все это вполне понятно, т. к. у нас и сейчас современные общие обеды обычно протекают с воспоминаниями о близких и дорогих лицах. Но у язычников (греков) того времени также были свои общественные трапезы, так наз. «сисситии», и несомненно, что христиане из язычников в большинстве своем склонны были совершать «агапы» в духе ранее усвоенных ими «сисситий» (Кор. 1. 11—21), происходивших без языческих идолов, т. е. на горах и в рощах. Вот в этом-то ап. Павел и укоряет Коринфян, приглашая их кушать в своих домах (1 Кор. 11—22) и в конце (ст. 24—27) раз'ясняя их заблуждения.

Итак, все нагляднейшим образом нас убеждает, что «преломление» не есть установление Христа, а суть обряд надуманный, и первым христианам чуждый. Обряды причащения и преломления искусственно выращены из ветхозаветной Иудейской Пасхи, символы которой еще при жизни Христа, им же самим были лишены их прежнего значения (Иоан. 6. 48—63), ибо вместо прообразов на лицо был сам образ, своею смертью и воскресением упраздняющий их. (1 Кор. 5. 7).



О крещении.



однокрещенцы, исчерпав доводы в пользу водного крещения, обычно говорят: «Христос повелед креститься—наше дело исполнить волю Его, не рассуждая» (Лук. 7. 30 и Мф. 28—19). Невольно встает вопрос—если они правы, исполняя волю, «крестя» буквальным омовением водой, то почему же буквально не исполняют и еще одного повеления (Лук. 6 29): «ударившему тебя по щеке, подставь другую». Исходя из этой неуважки, и из того, что Соломон не отвергает разума и знаний (Прч. Свд. 22; 2. 1—5), а наоборот, поощряет их (Прч. С. 19. 2, 2), мы не будем доверчивы на слово, и займемся исследованием писания согласно Иоан. 5. 39.

1) Чтобы не загромождать разбираемый вопрос текстами, возьмем для сравнения немногие, именно Исх. 19, 10, 14; Лев. 11, 40, 43, 44; Ис. Нав. 3, 5; 1 Цар. 16, 5; из Исх. 10, 19 — мы видим, что для освящения народа нужно было вымыть одежды. В кн. Лев. 11, 40, 43, 44 говорится: «не делайте себя нечистыми ... освещайтесь и будьте святы, ибо Я свят»... Из ст. 40 видно, что для снятия нечистоты необходимо омыть свои одежды. Из Ис. Нав. 3, 5) и 1 Цар. (16, 5), где сказано «освятитесь», ясно видно, что для этой цели народ должен был сделать что-то над собой, а не кто-либо другой. Очевидно, и здесь, как видно из ранее указанных случаев, освящение было связано с употреблением воды, обычно применяемой для очищения. Все это вместе взятое нас убеждает, что водное очищение и освещение — одно и то же, при том, в те времена это было настолько всем известно, что Моисей, говоря об освящении чрез воду, о воде даже не упоминает, однако, определенно упоминая о крови, где освящение производилось чрез кровь.

Проф. Альберт Ревиль в своем труде «Иисус Назарянин» говорит: «Погружение в воду, как символ или как фактор религиозного очищения и обновления жизни, было в употреблении еще и ранее Иоанна Крестителя, и постоянно повторялось у ессеев» (одна из Иуд. сект). Устанавливая таким образом, что Иоанново крещение являлось ветхозаветным обрядом, А. Ревиль в другом месте добавляет, что «Иоанново крещение не следует смешивать с Христианским таинством того же наименования».

Итак, исходя из установленного нами положения, что еще до Иоанна водное омовение делалось для очищения или освящения, мы с полным правом можем и позднее Иоанново омовение, так же называвшееся очищением (Иоан. 3, 25, 26), а по гречески наименованное словом «баптизма», не славянским словом крещения, а русским — «освящение, тем более, что и ап. Павел, говоря об очищении Еврейск. народа в Ветх. Завете чрез водное облако и море, называет это очищение — «крещением» (1 Кор. 10, 2). Наконец, такой перевод мы сделать вправе еще и потому, что слово «баптизма», было изобретено лицами, имевшими в виду не просто «физическое» омовение или погружение в воду, а обряд, вмещавший в себе прощение грехов или духовное омовение, т. е. внутреннее «обращение», как сказано в греч. издании (Мф. 3, 2). При этом необходимо также признать, что слово «баптизма» в свое время содержало далеко не всегда тот смысл, какой мы ему придаем в настоящее время, пользуясь современным понятием, значительно отлученным от понятий, бывших почти 2 тыс. лет тому назад. Достаточно сказать, что это слово, видоизменяясь по всему Нов. Завету, может быть переведено как: обмывание, омовение, погружение, закрывать, мочить, освящать, умывать, а «баптистериум» например, означает просто купальню.

Таким образом переводы «баптизма», иначе, как словом «освящение», мы можем принять не всегда, так как они выражали бы лишь внешнюю сторону Иоаннова обряда, без его внутреннего содержания (прощение грехов). В правильности этого нас и убеждает ап. Павел, говоря: «но омылись, но освятились» (1 Кор. 6, 11), а также и в другом месте (Еф. 5, 26): «...освятить... посредством слова, очистив баней водной...» (В-славянск. яз.: «баней водною

в глаголе», — заметьте, — не в реке). В обоих случаях Апостол греч. «баштизма» как бы разлагает на его составные части — видимое внешнее омовение и внутреннее освящение, при чем к Ефес. уже говорят не об освящении водою, а словом, конечно, имея к тому основания, так как и сам Христос своим ученикам сказал: «Вы уже очищены чрез слово (не водою), которое Я проповедывал вам» (Иоан. 15, 3). В другой раз в молитве, обращенной к Отцу (Иоан. 17, 17, 19), Христос просит освятить своих последователей словом истины (опять не водою), а каким образом это освящение должно произойти, мы поймем, прочитавши (Иоан. 14, 16, 17), где Христос обещает своим ученикам умолить Отца, чтобы Он дал им Утешителя, Духа Истины. Теперь ясно, что освящение можно получить чрез слово Божие или Истину, и что там, где вселится, укоренится эта Истина, с ней неизбежно будет и Дух Истины (Иоан. 17, 17 и 14, 17).

Пока Христос был на земле, являясь воплощением Божества, сохранение ветхозаветных обрядов было еще обязательно, и потому, рассылая апостолов, им было повелено проповедывать, не меняя прежних обрядов и покаяния (Мрк. 5, 12). После же смерти Христа, замедившего и отменившего Ветхий Завет, законы и жертвы, ученикам было повелено проповедывать Евангелие (Мрк. 16, 15), крестя все народы (Мф. 28, 19). Мы видим, что теперь, вместо даже не упоминаемых Вет. Заб. обрядов, повелевается крестить, что, по найденному нами определению, означает не «омывать водою», а освящать словом Божиим, во Имя Отца и Сына и Святого Духа (Мф. 28, 19). Оказывается, что это точно также понимали и апостолы, и поэтому последнее повеление Христа (Мр. 16, 16): «Кто будет веровать и креститься, спасен будет», мы находим позже (2 Фес. 2, 13), передаваемое Павлом почти дословно: «...через освящение Духа и веру Истине, избрал вас к спасению, ... к которому и призвал вас благовествовать нищим» (ст. 14). Заметьте, что именно благовествованием, а не крещением в воде.

Частое возражение водно-крещенцев, что «крестя» надо понимать, как водное омовение, ибо Св. Духом крестить может только Бог, легко отпадает само собой, т. к. ап. Павел (2 Фес. 2, 14), ясно говорит, что призывание к спасению чрез освящение Духом было именно обязанностью благовествующих Слово Божие, т. е. Истину, а про себя лично прямо говорит, что «послан не крестить (имея в виду водное крещение), а благовествовать» (1 Кор. 1, 17).

Истина и Дух Истины — понятие, которое разединить невозможно. Где Истина, там и Дух Истины; Истина без Духа, или Дух без Истины, все равно, что дождь без тучи, или тучи без дождя. Поэтому Истина всегда пребывает неразрывно с Духом Святым, и поэтому, говоря о принятой и усвоенной Истине, мы тем самым одновременно говорим и о принятом Духе Святом. Таким образом, выражение у Мф. 28, 19: «крестя» или «освящая» Истиной, равнозначно крещению или освящению Духом Святым. Поэтому ап. Павел и не говорит, что крестились водою, а говорит (1 Кор. 12, 13): «...мы одним Духом крестились...» Да оно и понятно, ведь водное крещение Иоанна должно было умалиться (Иоан. 3, 30), т. е. уступить место Иисусову крещению Духом Св., о чем Иоанн своевременно, совершенно недвусмысленно, и за-

являл (Мф. 3, 11). Кроме того, указание на такую замену мы находим и в словах самого Христа, когда, произнося иносказательно слово «вода», Он имеет в виду уже не Иоанновскую речную или ключевую воду с ее стихийным очищением, а грядущее очищение словом Истины и Духом Св., или просто Духом Св., так как эти понятия не раз'единены (Иоан. 4, 10 и 7, 38, 39).

После рассмотренных нами мест Св. Писания, видеть водное омовение в словах Христа: «...кто будет веровать и креститься» (Мф. 16, 16) — значит, совершенно не понимать истинного смысла учения Христа и, придерживаясь древнего, отжившего водного омовения, тем самым противиться единению со Христом. (2 Кор. 5, 17, Иоан. 17, 21), ибо после того, как прославился Христос, единение с Богом достигается уже не делами праведности, в роде водного омовения, а возрождением и обновлением Св. Духа (Рим. 3, 28, Тит. 3, 5).

Здесь можно встретить некоторое возражение со ссылкой на беседу Христа с Никодимом, где говорится о рождении от воды и Духа, и тем самым как бы устанавливается необходимость водного крещения. Но это возражение легко устраняется тем, что Христос в слово «вода» вкладывал понятие не о стихийной воде, а о Духе и Слове (Иоан. 7, 38, 39 и 4, 14), а что здесь допущено иносказание, подтверждается тем, что Христос упомянул о воде лишь в пояснение, после того, как Никодим не понял ранее сказанного о «рождении свыше» (Иоан. 3, 3, 5). Хотя, впрочем, я лично понимаю это место без иносказаний — буквально как написано, и вот почему.

Беседа происходила в переходное время, когда водное крещение должно было смениться Духовным; время подзаконное менялось на время благодати. До наступления благодати всякий обязан был выполнить закон, т.-е. принять водное крещение, но если бы его жизнь продлилась до времен благодати, то независимо от принятого крещения, он для вхождения в Царство Божие, должен был бы креститься еще и Духом Святым, что и случилось прежде всего с Апостолами. Мы знаем, что возрождение свыше от Духа, неразрывное с Нов. Заветным освящением Словом Истины. (Деян. 10, 44, 11, 15), а также знаем, что само Иоанново крещение, утратив в Нов. Зав. свое прежнее значение, такого возрождения крещаемым уже сообщать не могло (Деян. 8, 16; 19, 2). Никодим, а с ним и многие другие, могли оказаться в положении, требующем водного крещения и Духовного и, если бы им было сказано о необходимости только какого-либо одного, то они другое уверенно отвергли бы, тем самым нарушив или закон, или условия благодати. Обратите внимание, что Христос в беседе (Иоан. 3, 5) сказал не «или» то или другое», а и «то и другое», при чем неизменно в их поступательном порядке, т.-е. не от Духа и воды а, наоборот — «от воды и Духа».

Но при таком понятии мы как будто наталкиваемся на новое противоречие в посл. к Ефес. 4, 5, где категорически говорится, что «крещение одно», тогда как Христос указывает, не менее категорически, крещений два — водою и Духом. Если говорить о формах крещения, то это противоречие еще больше усиливается при чтении Мф. 3, 11, где указано еще и третье крещение — огнем. Ясно, говоря об одном крещении, апостол имел в виду не формы или

виды его, а внутреннее содержание, а также и то, что для каждого периода времени должно быть и есть одно крещение, а именно: 1— для подзаконного, т. е. ветхозаветного времени — водное крещение, 2 — для времени евангелизации или благодати — крещение Св. Духом, 3 — для периода второго пришествия — крещение огнем. (Мф. 3, 11).

Из многочисленных мест Св. Писания, и особенно из посл. к Рим. 9, 14 и 11, 5, 6, ясно видно, что наше время — это время благодати, а если это так, то следовательно без всяких доказательств должно признать, что для нас обязательно только крещение Духом Св. Да оно и понятно, ибо, принимая крещение первого периода, т. е. водой, мы впади бы в глубокое противоречие. Всем стилично известно, что все ветхозаветное являлось лишь тенью будущего (Евр. 8, 5 и 10, 1), или, как говорят, прообразом. В посл. к Рим 6, 4 словами: «... мы погреблись с Ним крещением в смерть...» Апостол точно говорит, что водное крещение являлось прообразом погребения Христа. При этом важно заметить, что апостол акт крещения не подразделяет на погружение и выход из воды, а следовательно и не дает повода (как делают некоторые) видеть в погружении — погребение, а в выходе из воды — воскресение Христа. Из сказанного ясно, что обряд, служивший прообразом погребения, мог быть в силе и обязательным не дальше, как до явления самого факта погребения; с явлением образа отпала необходимость в прообразе. В посл. к Кол. 2, 12; Апостол, касаясь этого же вопроса, словом «бывши» — определенно водное крещение относит ко времени прошедшему, а для настоящего времени указывает лишь на воскресение верою в силу Бога».

Так как слово «воскресение» по древним понятиям означало: восстановление, возвышение, возрастание, что равносильно возрождению, то мы в приведенном поучении ап. Павла должны видеть полную согласованность с Ев. Мар. 16, 16, где также непременно условием спасения ставится крещение (освящение, возрождение) в вере.

Итак, следовательно, совершая ненужное и бесполезное водное крещение, мы быть может, если и не будем впадать в преступление, то, во всяком случае, будем нарушать Истину Божию и связывать себя тем, от чего давно должны быть освобождены познанием Истины (Иоан 8, 34). Так как мы доподлинно знаем, что призваны не к рабству разным обрядам, а к свободе (Гал. 5, 13), и что там, где свобода, Дух Господень, то приложим все наши способности к тому, чтобы, получив свободу чрез познание Истины, быть служителями Нов. Завета, не буквы, но Духа (2 Кор. 3, 6) и тем самым устранив ненужные, разделяющие человечество обряды, создать единый Христовский коллектив, единое тело во Христе (Гал. 3, 26), без всяких измышлений, назвавшись просто христианами (Лев. 11, 26).

2) Изложивши основания для крещения Св. Духом, мы теперь дадим ответы на некоторые вопросы, заданные друзьями нашими из водно-крещенцев, и в свою очередь поставим несколько вопросов им. При этом, прежде всего, всем, пытающимся Иоанна Крестителя объявить Нов. Заветным пророком, напомним, что

когда впервые Новый Завет был объявлен, то Иоанна уже не было в живых (Лук. 22, 20).

В. Иоанн и Христос священники не по закону (Евр. 7, 14); почему их не побили? (Числ. 3, 5—10; 18, 7).

О. Явлением Иоанна по родословию Закон не нарушен, т. к. Захария был потомком Аарона. Об Иоанне были пророчества, предсказания. Об Христе и о послушании Ему было предсказано (Втор. 18, 15, 18, 19), значит, явление Его по закону, что видно и из Гал. 4, 4. Кроме того, ни Иоанн, ни Христос к жертвеннику в храме не приступали (Числ. 3, 10, 18, 7). Наконец, Христос — священник не для земного храма, а для Небесного, и Священство получил лишь уйдя с земли (Евр. 8, 4).

В. Если Перв-ки о крещении Иоанна сказали: «не знаем», значит оно было Нов. Заветное, т. к. все Вет. Заветное они знали (Мф. 21, 23—32). Разница была большая — в вет. зав. — умывание, затем жертвы, а у Иоанна — вперед покаяние, затем крещение.

О. Первосвященники ответили: «не знаем», не по незнанию, а по хитрости и лукавству (Мф. 21, 21, 26) своему. Иоанново крещение нельзя рассматривать, как причину, стоящую отдельно от следствия, или наоборот, аналогично выражениям: трапеза насыщения, молитва благодарения и т. п. и крещение покаяния было нечто целое, объединившее в себе и покаяние и омовение и прощение грехов.

В. Если крещению надо верить, то значит оно не старое, а нов. Заветное (Мф. 21, 32).

О. Мф. 21, 32 говорится не о вере в крещение, а о вере или доверии Иоанну, т. к. ему не доверяли потому, что он не был ни пророк, ни Христос, ни Илия, которым они могли бы поверить (Иоан. 1, 25). Бл. Иероним (живший в 330—420 г.) сообщает, что в Евангелии от Назареев было следующее место: «Мать Господа и братья Его говорили ему; Иоанн крестит в оставление грехов, пойдем и примем от него крещение. Он же сказал им: «В чем согрешил Я, чтобы мне идти креститься у него?». Из этого лишний раз мы видим, что Христос принял крещение не по вере в него, а исключительно во исполнение закона (Гал. 4, 4) и благодаря этого Иоанн познал Христа, (Ион. 1, 33—35).

В. Закон и пророки до Иоанна, значит от Иоанна Новый завет.

О. До явления Иоанна освобождение или очищение от грехов и нечистоты достигалось без малейших духовных усилий со стороны виновного, просто путем некоторой материальной затраты в виде приносимых по закону жертв и выполнения уставовленных законом омовений водою. Призыв к покаянию слышится впервые от Иоанна. Несмотря на то, что водное омовение не ново, его принимали только те, кто «усилием» преодолел новшество в призыве Иоанна, и кто доверял Иоанну в необходимости каяться с верою в Грядущего, а также в том, что Иоанн вправе это делать. Усилие это устанавливалось не как нечто постоянное, а лишь «до нын», т. е. до времени Христа или до смены законов — благодатью (Мф. 11, 12). Мы, как будто, правда, и в Вет. Завете нахо-

дим слово «покайтесь» (2 Евд. 10, 11), но это место является вольным переводом, в славянск. тексте сказано: «И ныне дадите хвалу Господу и сотворите угодное пред Ним».

В. Почему фарисеи «отвергли» крещение, если оно было ветхозаветное и по закону, следовательно, обязательное? (Лук. 7, 29, 31).

О. Все по тому же лукавству и хитрости и по нежеланию проявить необходимое «усилие». Удивительного ничего нет — ведь они самого Христа не постеснялись «отвергнуть».

В. Сейчас совершается крещение не Иоанново, а во имя Иисуса, т.е. Иисусово, значит Новозаветное.

О. Водное крещение от Бога только чрез Иоанна, Иисус в воде никого не крестил (Лук. 7—29; Дея. 8, 25, 19, 3). Это крещение Иоанновым называет и сам Христос (Мф. 21, 25). Очень поучительно заметить, что в беседе, (Мф. 21, 25), бывшей после смерти Иоанна, Христос говорит: «Крещение Иоанново было...», а его собеседники рассуждают «...не поверили...». Слова «было» и «не поверили» — суть глаголы, относящиеся к прошедшему времени, следовательно, говорящие за то, что Иоанново водное крещение было и уже прошло.

Теперь несколько вопросов:

1. Каким образом, исповедуя одно крещение (Ефес. 4, 5), некоторые исполняют крещение водой и признают крещение Духом Св.?

2. Апостолы крестили во имя Господа Иисуса (Дея. 8, 16; 10, 48) и для прощения грехов (Мр. 1, 4; Дея. 2, 38). Христос повелел креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа (Мф. 28, 19), почему же некоторые крестятся во Имя Троицы — по Христу, в воду — по примеру апостолов и для присоединения — по собственному измышлению?

3. В Еванг. Мр. 16, 15 установлен определенный порядок: 1) вера, 2) крещение и 3) спасение. Почему же некоторые этот порядок перестраивают так: 1) вера, 2) спасение (установленное экзаменом) и 3) крещение? Если возможно спасение без крещения, то какая цель и необходимость последнего?

4. Повелено «креститься» (Мр. 16, 15). Грамматическая форма этого требует многократного действия. В чем водно-крещенцы проявляют исполнение этого повеления многократности?

5. В словах: «Кто будет веровать и креститься — спасен будет» — выражена безусловная, совершенная форма, не допускающая никаких условий. Чем же объяснить явление, когда имеющие водное крещение явно далеки от спасения?

6. Почему некоторые водное крещение считают дверью для вхождения в Церковь Христа? Христос вошел в свою церковь водою или кровью?

7. Небольшие водно-крещенцы ни приближают ли себя к тем, что целыми округами крестились в воде от Иоанна (Мф. 3, 5, 6), а затем так горячо кричали: «Распни Его» (Мр. 15, 14)? Ведь в этом участвовали именно крещенные в воде и каждый день поучавшиеся от Христа (Мф. 26, 55).

8. В заключение выражаю свою надежду, что всякий человек искренно желающий не дробления на секты, а слияния христиан воедино (Иоан. 17, 21), не замедлит на мою статью откликнуться, и в ошибках поправить меня, а в правильных выводах еще больше укрепить, для общей пользы христианского объединения, памятуя при этом, что все мы должны делать для славы Господа (Кол. 3, 17).

И. ШЛАПАК.



К 100-летию юбилею со дня рождения Льва Николаевича Толстого.

28-го августа 1928 года (по ст. стилю) исполнится сто лет со дня рождения—«великого писателя земли русской»—Льва Николаевича Толстого. Советская власть уже сейчас принимает все меры к тому, чтобы ознаменовать соответствующим образом эту историческую дату,—в частности сейчас готовится издание полного собрания сочинений Льва Николаевича, в которое должны войти все произведения писателя—художественные, философские и проч. и вся переписка.

При своей жизни Л. Н. Толстой очень сильно интересовался жизнью и учением сектантов-духоборцев, молокан и проч. В свою очередь и многие из наших братьев-молокан обращались к нему лично и посредством переписки, с различного рода вопросами и с просьбами о помощи и защите их от преследования со стороны власти и духовенства.

В виду того, что все, что писалось и говорилось Львом Николаевичем, имеет весьма важное историческое значение—даже мировое значение, необходимо всем нашим братьям-молоканам, а также и всем вообще сектантам поделиться на страницах нашего журнала теми впечатлениями, которые были вынесены из бесед со Л. Н. Если же у кого из братьев-сектантов имеются и письма Льва Николаевича, то весьма важно отпечатать их в нашем журнале, при чем редакция нашего журнала передаст копии с этих писем в комитет по изданию полного собрания сочинений—для помещения их в издаваемые сочинения.

Жизнь и творчество Льва Николаевича Толстого заслуживает самого внимательного и всестороннего изучения, при чем можно сказать, что все без исключения его произведения представляют определенный интерес.

В своем романе «Война и Мир»—одном из крупнейших творений мировой литературы Л. Н. Толстой первый обрисовал войну реально с художественной правдой. В другом большом художественном произведении—«Анна Каренина»—помимо глубокого анализа женского сердца, сказывается и искание смысла жизни.

За все время своей жизни Л. Н. Толстой неустанно искал раз-

решения многих важных вопросов жизни человека—в богословии, философии и точных науках. Следует заметить, что не только в проповеди словом, но и в личной жизни, он стремился провести опрощение и жить жизнью близкою к природе.

В своих многочисленных трудах, он проводил свое религиозное мировоззрение, учение о непротравлении насилем злу, о спасении мира добром и любовью, отрицание всех принудительных форм общности, действующих внешней силой (государство, церковная иерархия, военная организация, война и проч.).

Учение Льва Николаевича Толстого нашло огромное число последователей как в России, так и во всех странах мира.

Самыми яркими страницами в жизни Л. Н. Толстого является отлучение его Св. Синодом от православной церкви 20—22 февраля 1901 г. и трагическая его смерть в 1910 году.

Можно определенно сказать, что учение молокан и духоборцев,—отвергающих все обряды и наружные установления греко-русской церкви и не приемлющих наружного крещения водою и причащения крови и тела Христова—под видом хлеба и вина—имели большое влияние на оформление его религиозных воззрений.

Нас, духовных христиан-молокан, особенно должна интересовать борьба Л. Н. Толстого с господствующей православной церковью и поскольку обличение им православного вероучения и духовенства отвечает интересам рационалистических учений молокан и духоборцев, постольку крайне необходимо ознакомить всех наших братьев с историей отлучения Л. Н. Толстого от церкви.

В своем определении от 20—22 февраля 1901 года за № 577 Св. Синода писал так:

«Св. Синод в своем попечении о чадах православной церкви, об охранении их от губительного соблазна и о спасении заблуждающихся, имел суждение о графе Л. Н. Толстом и его противохристианском и противоцерковном лжеучении, признал благовременным в предупреждение нарушения мира церковного, обнародовать через напечатание в «церковных ведомостях» нижеследующее послание:

«Изначала церковь Христова терпела хулы и нападение от многочисленных еретиков и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать в существенных ее основаниях утверждающихся на вере, в Христа Сына Бога живого, но все силы ада, по обетованию Господню не могли одолеть церкви святой, которая пребудет неодоленною во веки. И в наши дни, Божиим поущением, явился новый лжеучитель, граф Лев Толстой. Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достоинство, явно пред всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его, Матери церкви православной и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений противных Христу и церкви и на истребление в умах и сердцах людей веры отческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которую жили и спасались наши предки и которой доселе держалась и крепка была Русь святая.

В своих сочинениях и письмах, во множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого отечества нашего, он проповедует с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской, отвергает личного живого Бога, во святой Троице славимого Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа—Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради человек и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождения и по рождении Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии, не признает загробной жизни и мздовоздаяния отвергает все таинства церкви и благодатное в них действие Святого Духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнувшись подвергнуть глумлению величайшее из таинств святыю Евхаристию. Все сие проповедует граф Лев Толстой непрерывно, словом и писанием к соблазну и ужасу всего православного мира и тем неприкровоенно, но явно перед всеми, сознательно и намеренно отверг себя сам от всякого общения с церковью православной. Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом, посему церковь не считает его своим членом и не может считать доколе не раскается и не восстановит своего общения с нею. Ныне о сем свидетельствует пред всей церковью к утверждению правостоящих и к вразумлению заблуждающихся, особенно же к новому вразумлению самого графа Толстого. Многие из близких его, хранящих веру, со скорбью помышляют о том, что на конце дней своих остается без веры в Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись от благословений и молитв церкви и от всякого общения с нею».

Таково определение Св. Синода, который, присвоивши себе ключи от врат Царства Небесного, в бессильной злобе надвигавшейся духовной очистительной грозы и ныне очищающей православное джеучение, лишил Л. Н. Толстого благословений и молитв православной церкви.

Но, создавши свою ошибку, правители православной церкви в дни кончины Л. Н. Толстого в 1910 году старались исправить сделанное; с каковой целью посылали своих агентов, архиереев и монахов к одру старца, для уловления и возвращения души его в свое лоно, но проискам расчетливых пастырей был уготован достойный конец—неудача.

Имя писателя осталось незапятнанным. Призыв его отойти от суеверий православной церкви, остался чистым, твердым и весьма убедительным. Этот призыв изложен в ответе Л. Н. Толстого от 4-го апреля 1901 г. на постановление Св. Синода.

«Я сначала не хотел ответить на постановление обо мне Синода, пишет Толстой, но постановление это вызвало очень много писем, в которых неизвестные мне корреспонденты—одни браят меня за то, что я отвергаю, другие увещевают меня поверить в то, во что я не переставал верить, и третьи выражают со мной единомыслие, которое едва ли в действительности существует и сочувствие, на которое я едва ли имею право; и я решил ответить на самое постановление, указав на то, что в нем несправедливо и на обращение ко мне моих неизвестных корреспондентов.

Постановление Синода, вообще, имеет много недостатков, оно незаконно, или же умышленно двусмысленно, оно произвольно неосновательно, неправдиво и, кроме того, содержит в себе клевету и подстрекательство к дурным чувствам и поступкам.

Оно содержит в себе явную неправду, т. к. в нем сказано, что со стороны церкви были сделаны относительно меня не увенчавшиеся успехом попытки вразумления. Ничего подобного, никогда не было. Оно представляет из себя то, что на юридическом языке называется клеветой, т. к. в нем заключаются заведомо несправедливые, клонящиеся к моему вреду, утверждения.

Оно есть, наконец, подстрекательство к дурным чувствам и поступкам, т. к. вызвало, как и должно ожидать, в людях непросвещенных и не рассуждающих, озлобление и ненависть ко мне, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых мною письмах: «Теперь ты предан анафеме и пойдешь по смерти в вечное мучение и издохнешь, как собака... анафема ты, старый черт... будь проклят», — пишет один. Другой делает упреки правительству за то, что я не заключен еще в монастырь и наполняет письмо ругательствами. Третий пишет: «Если правительство не уберет тебя, — мы сами заставим тебя замолчать». Письмо кончается проклятиями. «Чтобы уничтожить прохвоста тебя, — пишет четвертый, — у меня найдутся средства...» следуют неприличные ругательства. Признаки того же озлобления я после постановления Синода замечаю и при встрече с некоторыми людьми. На самый день 25 февраля, когда было опубликовано постановление, я, проходя по площади, услышал слова: «вот дьявол в образе человека», и если бы толпа была иначе составлена очень может быть, что меня избили бы, как избили несколько лет тому назад человека у Пантелеймоновской часовни.

То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо, но отрекся я от нее не потому, что я восстал на Господа, а, напротив, только потому, что всеми силами души желал служить Ему.

Прежде чем отречься от церкви и единения с народом, которое мне было невыразимо дорого, я, по некоторым признакам, усомнившись в правоте церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение церкви: теоретически я перечитал все, что мог, об учении церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие, практически же строго следовал в продолжение более года, всем предписаниям церкви, соблюдая все посты и все церковные службы, и я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения. Стоит только почитать требник, проследить за теми обрядами, которые не переставая совершаются православным духовенством и считаются христианским богослужением, чтобы увидеть, что все эти обряды не что иное, как различные приемы колдовства, приспособленные ко всем возможным случаям жизни.

Для того, чтобы ребенок, если умрет, пошел в рай, нужно уметь помазать его маслом и выкупать с произнесением известных слов, для того, чтобы родильница перестала быть нечистой, нужно про-

изнести известные заклинания; чтобы был успех в деле или спокойное житье в новом доме, для того, чтобы хорошо родился хлеб, прекратилась засуха, для того, чтобы излечиться от болезни, для того, чтобы облегчилось положение умершего на том свете, для всего этого и тысячи других обстоятельств—есть известные заклинания, которые в известном месте за известные приношения произносятся священником.

И я действительно отрекся от церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне священников и служителей, и мертвое мое тело убрали бы поскорее без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым. Я никогда не заботился о распространении своего учения; поверял же людям о том, как я понимаю учение Христа, только тогда, когда меня об этом спрашивали, таким людям я говорил то, что думаю, и давал, если они у меня были, мои книги.

Еще сказано: «не признает загробной жизни и мздовоздаявия». Если разумеют жизнь загробную в смысле второго пришествия, ада с вечными мучениями, дьяволами и рая—постоянного блаженства,—совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни, но жизнь вечную и возмездие здесь и везде, теперь и всегда признаю до такой степени, что, стоя по своим годам на краю гроба, часто должен делать усилия, чтобы не желать плотской смерти, то-есть рождение к новой жизни и верю, что всякий добрый поступок, увеличивает истинное благо моей вечной жизни, а всякий злой поступок уменьшает его. Сказано также, что я отвергаю всякие таинства. Это совершенно справедливо. Все таинства я считаю низменным, грубым, несоответствующим, понятию о Боге и христианскому учению колдовством и, кроме того, нарушением самых прямых указаний Евангелия.

В крещении младенцев вижу явное извращение всего того смысла, который могло иметь крещение для взрослых, сознательно принимающих христианство; в совершении таинства брака над людьми, заведомо соединяющимися прежде и в допущении разводов и в освящении браков разведенных, вижу прямое нарушение и смысла и букв евангельского учения. В периодическом прощении грехов на исповеди, вижу вредный обман, только поощряющий безнравственность и уничтожающий опасение перед согрешением. В елеосвящении так же, как и в миропомазании вижу приемы грубого колдовства, как и в почитании икон и мощей, как и во всех тех обрядах, молитвах, заклинаниях, которыми наполнен требник. В причащении вижу оботворение плоти и извращение христианского учения. В священстве, кроме явного приготовления к обману, вижу прямое нарушение слов Христа—прямо запрещающего кого бы то ни было называть учителями, отцами, наставниками. (Матф. XXII, 8—10).

Сказано, наконец, как последняя и высшая степень моей виновности, что я ругаюсь над самыми священными предметами веры, не содрогнулся подвергнуть глумлению священнейшее из таинств—Евхаристию. То, что я не содрогнулся описать просто и объективно то, что священник делает для приготовления этого, так

называемого, таинства, то это совершенно справедливо, но то, что это так называемое таинство, есть нечто священное, что писать его просто, как это делается, есть кощунство,—это совершенно несправедливо. Кощунство не в том, чтобы назвать перегородку—перегородкой, а не иконостасом и чашку чашкой, а не потиром, и т. п., а ужаснейшее, не перестающее возмутительное кощунство в том, что люди, пользуясь всеми возможными средствами обмана и гипнотизации—уверяют детей и простодушный народ, что если нарезать известным способом и при произнесении известных слов кусочки хлеба и положить в вино, то в кусочки это входит Бог, и что тот, во имя кого живого вынется кусочек, тот будет здоров, во имя же кого умершего вынется кусочек, тому на том свете будет легче, и что тот, кто съест этот кусочек, в того войдет сам Бог. Ведь это ужасно. Как бы кто ни понимал личность Христа, то учение Его, которое уничтожает зло мира, так просто и легко, несомненно дает благо людям, если только они не будут извращать его. Это учение всё скрыто, все переделано в грубое колдовство, купания, мазания маслом, телодвижений, заклинаний, проглатывания кусочков и т. п., так что от учения ничего не осталось. И если когда какой человек попытается напомнить людям то, что не в этих волхованиях и молебствиях, обеднях, свечах, иконах—учение Христа, а в том, чтобы люди любили друг друга, не платили злом за зло, не судили, не убивали друг друга,—то поднимается негодование тех, которым выгоден этот обман, и люди эти во всеуслышание с непостижимой дерзостью говорят о церквях, печатают в книгах, газетах и катехизисах, что Христос никогда не запрещал клятву (присягу), никогда не запрещал убийство (казни, войну), что учение о непротivлении злу с сатанинской хитростью выдуманно врагами Христа. (Речь Амвросия, епископа Харьковского). Ужасно главное то, что люди, которым это выгодно, обманывают не только взрослых, но имея на то власть, и детей, тех самых детей, про которых Христос говорил, что горе тому, кто их обманет, ужасно то, что люди эти для своих маленьких выгод делают такое ужасное зло, скрывая от людей истину, открытую Христом и дающую благо, которое не уравновешивается и в тысячной доле, получаемой ими от того выгоды. Они поступают как тот разбойник, который убивает целую семью 5—6 человек, чтобы унести старую поддевку и 40 к. денег. Ему охотно отдали бы всю одежду и все деньги, только бы он не убивал их. Но он не может поступить иначе. То же и с религиозными обманщиками. Можно бы в 10 раз лучше, в величайшей роскоши содержать их, только бы они не губили своим обманом. Но они не могут поступать иначе. Вот это-то и ужасно. И потому обличать их обман не только можно, но и должно. Если есть что священное, то никак уже не то, что они называют таинством, а именно эта обязанность обличать их религиозный обман, когда видишь его. Если завашин мажет своего идола сметаной, или сечет его, я не могу оскорблять его верования и равнодушно пройти мимо, потому что он делает это во имя чужого мне своего суеверия и не касается того, что для меня священно, но когда люди своим диким суеверием, как бы много их ни было, как бы старо ни было их суеверие и как бы могущественны они ни были—во имя того Бога, в котором я вижу то учение Христа, которое дало жизнь мне и может дать ее

всем людям—проповедают грубое колдовство—я не могу этого видеть спокойно. И если я называю по имени то, что они делают, то я делаю только то, что должен, чего не могу не делать, если я верую в Бога и христианское учение. Если же они обличение их обмана называют кощунством, то это только доказывает силу их обмана и должно только увеличивать усилия людей верующих в Бога и в учение Христа; для того, чтобы уничтожить этот обман, скрывающий от людей истинного Бога.

Про Христа, выгнавшего из храма быков, овец и продавцов, должны были говорить, что он кощунствует. Если бы он пришел теперь и увидел то, что делается его именем в церкви, то еще с большим и законным гневом, наверное, выкидал бы все эти ужасные антимины, и копия, и кресты, и чаши, и свечи, и иконы и все то, посредством чего они кождуя скрывают от людей Бога и его учение.

Так вот, что справедливо и что несправедливо в постановлении обо мне Синода. Я действительно не верю в то, что они говорят, что верят, но я верю во многое, во что они хотят уверить людей, что я не верю.

Верю я в следующее: Верю в Бога, которого понимаю как Дух, как любовь, как начало всего, верю в то, что Он во мне и я в Нем, верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться—считаю величайшим кощунством; верю в то, что истинное благо человека— в исполнении воли Бога, воля же Его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в евангелии, что в этом весь закон и пророки; верю в то, что смысл жизни каждого человека поэтому только в увеличении в себе любви, что только это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой к все большему и большему благу, дает после смерти тем большее благо, чем больше будет в человеке любви, и вместе с тем более всего другого содействует установлению в мире царства Божия, т.-е. такого строя жизни, при котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью между собой. Верю, что для преуспеяния в любви есть только одно средство—молитва,—не молитва общественная в храмах, прямо запрещенная Христом (Матф. VI, 5—13), а молитва, образец которой дан нам Христом,—уединенная, состоящая в установлении и укреплении в своем сознании смысла своей жизни и своей зависимости только от воли Бога.

Оскорбляют, огорчают или соблазняют кого либо, мешают чему либо и комунибудь, или не нравятся эти мои верования—я так же мало могу изменить, как свое тело. Мне надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и потому я не могу никак иначе верить, как так, как я верю, готовясь идти к тому Богу, от которого исшел. Я не верю, чтобы моя вера была одна, несомненно, на все времена истинна, но я не вижу другой, более простой, ясной и отвечающей всем требованиям моего ума и сердца, если я узнаю такую, я сейчас же приму ее, потому что Богу ничего, кроме истины, не нужно. Вернуться же к тому, от чего я с такими страда-

ниями только что вышел, я никак уже не могу, как не может летающая птица войти в скорлупу того яйца, из которого она вышла.»

Знакома наших братьев с вышеизложенным религиозным воззрением Л. Н. Толстого, весьма интересно было бы получить ко дню 100-летнего юбилея великого писателя воспоминания о писателе и критику его мировоззрения.

М. ЕРМАКОВ.



Открытое письмо И. И. Бондаренко¹⁾.

Уважаемый **И. И. БОНДАРЕНКО!**



прочитавши Вашу небольшую статейку, помещенную в № 2 уважаемого журнала «Баптист Украины» под названием «Молоканство и баптизм» я был крайне удивлен ее содержанием и способом изложения Ваших мыслей.

Оставляя в стороне верность или ошибочность Ваших рассуждений на тексты св. писания, являющихся основанием для религиозного мироопимания баптистов по вопросу о крещении и преломлении хлеба, я хочу обратить внимание читателей журнала «Баптист Украины» на те способы изложения Ваших мыслей, которыми Вы пользовались при составлении статейки, содержание которой, никоим образом не соответствует действительности. Как мне известно, Вы, являетесь руководителем баптистов целого Омского района, претендуете на звание духовно-религиозного писателя, считаете себя возрожденным свыше, так зачем же у Вас такой задирчивый тон, зачем Вы пользуетесь способом нечестивой Иезавели, которая для того, чтобы отнять виноградник у Новуфея, подговорила двух негодных людей оклеветать этого честного гражданина, что он якобы хулил Бога и царя? Уж на что Ахав был негодный человек, однако; и он, после такого поступка нечестивой жены, разодрал одежды от глубокого возмущения против такого богопротивного поступка. Проследите хорошенько Вашу статью и Вы увидите себя в числе клеветующих на молокан вообще и в частности на меня, и может быть поймете, что руководителю религиозной общины не подобает играть такую роль.

Я не буду повторять Ваших слов, оскорбляющих молоканство, напомню только, что таким статьям, как Ваша, не место в серьезном религиозном журнале, и сказать откровенно, меня удивляет согласие редакции поместить ее.

Как видно, Ваша статья написана в ответ на мою статью «Молоканство и баптизм», помещенную в журнале «Вестник духовных христиан-молокан» в № 7 за 1926 год, в которой я дал ответ на Вашу статью, помещенную в журнале «Баптист» и теперь Вы пи-

¹⁾ Настоящее письмо послано для напечатания в журнале «Баптист Украины».

шите: «Не паши на воле и осле вместе» (Второз. 22; 10) *сознавая*, очевидно, для себя невозможным быть впряженным в плуг вместе с волом для возделывания поля «царствия Божия». Принимая во внимание это Ваше, вполне законное, заявление, я отказываюсь от запряжки Вас вместе с волом и советую Вам подыскать себе пару из стада себе подобных.

Вот перл Вашего сверхмудрствования: «Каким-то непонятным образом, автор знаменательной статьи, неожиданно для самого себя, вспомнил Спасителя мира, и т. д. И это Вы говорите о мне, что я каким-то непонятным образом, неожиданно для самого себя, вспомнил Спасителя мира. Неужели Вы всерьез так думаете? И неужели Вы думаете, что Вам кто-нибудь, даже из баптистов, поверит, что я вспоминаю Спасителя непонятным образом и неожиданно для себя? Я уверен, что Вы и сами не можете допустить этого. Если же Вы допускаете, то Вы полнейший невежда, в чем вполне убедитесь, когда спросите своих Исайя-Кульских братьев, которые слышали мои беседы. Кому неизвестно из баптистов, что я работаю на ниве Божьей с юных лет, несколько раз проводил беседы в баптистских собраниях, вел с ними собеседования, и вдруг я вспоминаю Спасителя мира непонятным образом и неожиданно для себя, как Вы пишете. Отсюда видно, что Вы выполняете обязанность нечестивой Иезавели, называющей себя пророчицей, которая учит и вводит в заблуждение рабов Божиих (Откр. 2; 20) *любодействовать* и есть идоложертвенное (свинину).

Далее Вы пишете: «В духовном порыве он восклицает, (т.-е. я): Что резко разделяет нас на два враждебных лагеря?»

Что мешает нашему слиянию в одну общую братскую семью?

Где та любовь, о которой молился Христос?

И эти восклицания мои Вы ставите мне в вину и отвечаете, что вы, баптисты, никогда не сольетесь с духовными христианами потому, что вы настолько чисты и святы, а молокане настолько грешны, что с ними никакого общения иметь нельзя: «масло не смешивается с водой» говорите Вы, «сливаются только однородные элементы».

Вполне с Вами согласен, что масло не смешивается с водой и потому-то вы, баптисты, отвергаете «масло», которое имели мудрые девы в сосудах своих, а перебавляетесь водичкой, думая, что она будет гореть огнем любви Христовой.

Пусть ответят молокане, горделиво заявляете Вы: «Может ли церковь Божия иметь единство, слиться в одну общую братскую семью, с перечисленными грешниками, еретиками и нечестивцами?»

Конечно, не может. Но тут возникает вопрос: а где находится церковь Божия, которая не может слиться с грешниками? Ведь нельзя же, на самом деле, признать общину баптистов за церковь Божию, написанную на небесах. Баптисты, точь-в-точь говорят также, как католики и православные, которые считали духовных христиан еретиками и нечестивцами, как их считаете Вы. Всех таких еретиков и нечестивцев, которые оставили идолопоклонство, всякие видимые обряды и постановления человеческие, католики и православные сжигали на кострах, подвергая нечеловеческим истязаниям. Если бы у баптистов была такая же власть, особенно у Вас, гражданин Бондаренко, то вы давным давно истязали бы

молокан, ссылали бы их в отдаленные места Сибири и в этом отношении передеговлялись бы католиков и православных, ибо у нас уже практиковались такие приемы по отношению к вашим противникам. Вспомните трехдневное побоище Омских баптистов с теми, которые не хотели подчиниться вашим постановлениям об отлучении их от «церкви Вожейей». Были ли такие случаи в апостольской церкви? Не было таких случаев и у нас духовных христиан молокан. Омское побоище произошло под Вашим мудрым водительством. Наверно, во время этой драки, Вы до крови сражались? За такие воинские подвиги Вы были представлены к Георгию первой степени, а за выступление Ваше в журнале, против духовных христиан-молокан, наверно добьетесь высокого звания борца за истину.

Искренно сожалею, если братья баптисты будут таких воинов отмечать знаками отличия.

Ничего не буду говорить о Ваших рассуждениях по вопросам крещения в воде потому, что не надеюсь на напечатание моих объяснений в журнале: «Баптист Украины». По напечатании Вашего продолжения и по прочтении такового, мною будет дано объяснение в журнале «Вестник духовных христиан-молокан».

С чувством глубокого сожаления о Вашем заблуждении остаюсь никогда не забывающим Спасителя мира, в Его любви, любящий и заблуждающихся, старец Н. Ф. КУДИНОВ.



В редакцию журнала Вестник духовных христиан-молокан

(Некролог).

На страницах нашего журнала, мне хотелось, чтобы все наше братство узнало, о той печальной вести и горе, которое постигло нашу Самарскую Общину 11-го февраля 1928 года, в 10 час. 20 мин. вечера скоропостижно скончался нали дорогой брат Иван Никитич Рябов. Вечная память ему. Ивану Никит. от роду было 49 лет. Вся его жизнь с молодых лет, проходила в неустанном труде: в молодости он служил в различных фирмах по хлебоаэриовому делу, потом служил вояжером по сбыту муки у крупного капиталиста Шихобалова, а позднее его же доверенным. В 1916 году Ив. Ник. был избран в Председатели Самарского Губернского совета по хлебозаготовкам, с 1919 года Ив. Н. работал до 1914 г. в Самарском Губсоюз П. О-в в должности Заведывающего Хлебным П/отд. и с 1924 года он избирается 1-го Самарского Общества Взаимного Кредита членом Правления и работал там до последнего дня своей

смерти. Кроме выполнения своих служебных обязанностей, Ив. Ник. неустанно работал по религиозному вопросу и в своей Самарской Общине, и в целом, для всего Братства Молокан. Кто был в Самаре на Всероссийских наших Съездах, тот, вероятно, очень хорошо себе представляет, что за личность Ив. Ник. Его умственные способности, его широкий кругозор, которым он владел, его умение, быстро входить в сферу всякого дела, его чуткая отзывчивая душа и все вместе взятое, делали его широко популярным и всеми уважаемым человеком. К нему многие и старые и молодые приходили, кто за советом, кто за материальной помощью, кто просит поделиться, как с другом. Двери дома Ив. Ник. всегда, для всех были открыты, и все, кто за чем приходил, всегда с желаемым уходил, особенно хорошего друга и защитника в лице И. Н. видела молодежь Самарской Общины, он очень горячее участие принимал в создании религиозного кружка молодежи, в создании нотного пения, давая помощь материально. Все, что постигла молодежь и радость и горе, она делилась с Ив. Н. и он всегда вместе с ними и радовался и переносил горе, он был глубоко верующим, признающим могущество Божие и вечность жизни человека, он был истинным свободным молоканином. Но судьбе и воле Бога было угодно, чтобы внезапно для всех прервать жизнь дорогого брата Ив. Н. Рябова. Здесь исполнился закон Бога, что предел, который положен человеку Богом, человек не перейдет. Ив. Н. сначала заболел легко, с неделю он чувствовал головные боли, но все время он ходил на службу и работал. 9/II у него стала ощущаться сильная головная боль, в пятницу, десятого И. Н. обнаружил у себя, что правый глаз у него не видит, это его заволновало. Несмотря на это он опять чувствовал себя, еще бодро и пошел на службу, там он хотя и работал, но чувствовал себя все хуже и хуже, в час дня, он покидает службу и приходит домой, при встрече дома с женой Александрой Тимофеевной, он сказал, что чувствует себя плохо, лег отдохнуть, встал, закусил, а потом пошел к врачу. Врач, осмотрев его сказал, что глаз не будет видеть совершенно, а возможно, что повторится второй такой мозговой удар и закроется второй глаз, такое сообщение врача на него сильно подействовало и от этого он сильно беспокоился, по приходе от врача, рассказал жене слова врача и сильно опечалился. В 9-ть часов вечера сел за стол пить чай, выпив один стакан, вел беседу, потом ему налили второй стакан, вдруг в руках его получилось дрожание, лицо исказилось, вид изменился, его ударил легкий паралич левой стороны тела, здесь он слег в постель, срочно послали за доктором, всю ночь он чувствовал себя плохо, жаловался на головную боль, но был в полной памяти, были приглашены врачи, делали все, что только могли для его спасения, но ничего не помогало, доктора признали, что у него получилось изливание крови в мозги. Всю ночь он пролежал в страшных мучениях, но заметно, что сильно себя сдерживал, чтобы не беспокоить окружающих, утром 11-го, узнав о болезни Ив. Н. многие родственники и знакомые приходили навестить и узнать о состоянии его здоровья, и он спрашивал: кто пришел, а некоторых узнавал по голосу, т. к. веки у глаз уже не открывались, а один глаз уже совершенно не видел, а у другого открыли ему веки и он видел, а потом опять тут же он закрывался.

С 2-х часов дня ему стало гораздо хуже, агония началась сильнее, но все же он продолжал разговаривать. За час до смерти он уже ничего не говорил, глаза были закрыты и тихо спокойно в 10 ч. 20 м. вечера 11-го февраля 1928 г. Иван Никитич скончался. Вечная память ему.

Трудно себе представить, с каким прискорбием все встречали это печальное сообщение о смерти дорогого любимого человека Ив. Н., весть эта очень быстро разлетелась по всему городу и по телеграфу в различные края родственникам и знакомым, все были поражены таким неожиданным событием, т. к. одни сутки тому назад, видели его бодрым и здоровым и невольно люди задумывались о судьбе своей личной жизни, но все же факт оставался верным, что костлявая рука смерти наложила на тело И. Н. свою печать молчания и нечувствительности. Тут беспрерывно приходили в квартиру И. Н. бесчисленное множество народа — родственников и знакомых, которых у него было очень много, отдав свой последний долг живого человека к уходящему в вечность. Три дня лежало тело И. Н. в квартире в ожидании приезда из Воронежа дочери Анны Ивановны, для похорон дорогого папы. По вечерам были совершаемы религиозные молитвенные собрания, где принимали участие в молитве все и старцы и молодежь — молокане и другие религии; говорилось много речей, касаясь из жизни И. Н. Квартира не вмещала всех желающих присутствовать здесь у дорогого гроба. На 14/II в 3 с половиной часа дня были назначены похороны. Утром в 8 с пол. часов в квартире у гроба совершена была молитва и тело в присутствии множества народа было перенесено в молитвенный дом «Духовных Христ. Молокан». Гроб был поставлен среди молитвенного дома и усыпан живыми цветами: от общественных, родственников и знакомых, внешний вид тела И. Н. был настолько свеж и приятен, что он напоминал лежащего сонного человека, но ни в коем случае мертвеца. Вид лица оставался без изменения живого человека. Несмотря на вместительное здание молитвенного дома, он все же далеко не вмещал всех желающих присутствовать при гробе, т. ч. большая половина народа была во дворе и на улице, здесь был совершен религиозный обряд моления, хор общины д. х. молокан пел в молитвенном доме у гроба по нотам Псалом 38: Скажи мне Господи кончину мою, потом Отче Наш, потом была совершена молитва и тело стали выносить, плач и рыдание об утрате дорогого друга, товарища, советника, помощника не утихали все время, плакали не только близкие родственники, но даже многие дальние знакомые. Когда вынесли гроб на улицу, то здесь сконилось народу более тысячи человек. Несмотря на то, что была приглашена катафалка, но ей не пользовались, потому что желающих нести гроб было так много, что менялись каждый квартал и все новые лица, несло одновременно 7-мь человек мужчин и крышку несли 4 девицы; всем хотелось чем-нибудь отдать последний долг хорошему человеку. По улицам города все время несли с пением псалмов и гимнов, шествие было очень большое, на кладбище у могилы П. Ф. Шишкиным, сослуживцем прежних лет, П. Е. Рябовым и П. Ф. Жабиным были сказаны горячие речи прошедшей жизни И. Н., что она должна, для нас многих остаться примером. После речей хор пропел: Святыи Боже. Потом была совершена мо-

С 2-х часов дня ему стало гораздо хуже, агония началась сильнее, но все же он продолжал разговаривать. За час до смерти он уже ничего не говорил, глаза были закрыты и тихо спокойно в 10 ч. 20 м. вечера 11-го февраля 1928 г. Иван Никитич скончался. Вечная память ему.

Трудно себе представить, с каким прискорбием все встречали это печальное сообщение о смерти дорогого любимого человека Ив. Н., весть эта очень быстро разлетелась по всему городу и по телеграфу в различные края родственникам и знакомым, все были поражены таким неожиданным событием, т. к. одни сутки тому назад, видели его бодрым и здоровым и невольно люди задумывались о судьбе своей личной жизни, но все же факт оставался верным, что костлявая рука смерти наложила на тело И. Н. свою печать молчания и нечувствительности. Тут беспрерывно приходили в квартиру И. Н. бесчисленное множество народа и родственников и знакомых, которых у него было очень много, отдать свой последний долг живого человека к уходящему в вечность. Три дня лежало тело И. Н. в квартире в ожидании приезда из Воронежа дочери Анны Ивановны, для похорон дорогого папы. По вечерам были совершаемы религиозные молитвенные собрания, где принимали участие в молитве все и старцы и молодежь — молокане и другие религии; говорилось много речей, касаясь из жизни И. Н. Квартира не вмещала всех желающих присутствовать здесь у дорогого гроба. На 14/II в 3 с половиной часа дня были назначены похороны. Утром в 8 с пол. часов в квартире у гроба совершена была молитва и тело в присутствии множества народа было перенесено в молитвенный дом «Духовных Христ. Молокан». Гроб был поставлен среди молитвенного дома и усыпан живыми цветами: от общественников, родственников и знакомых, внешний вид тела И. Н. был настолько свеж и приятен, что он напоминал лежащего сонного человека, но ни в коем случае мертвеца. Вид лица оставался без изменения живого человека. Несмотря на вместительное здание молитвенного дома, он все же далеко не вмещал всех желающих присутствовать при гробе, т. ч. большая половина народа была во дворе и на улице, здесь был совершен религиозный обряд моления, хор общины д. х. молокан пел в молитвенном доме у гроба по нотам Псалом 38: Скажи мне Господи кончину мою, потом Отче Наш, потом была совершена молитва и тело стали выносить, плач и рыдание об утрате дорогого друга, товарища, советника, помощника не утихали все время, плакали не только близкие родственники, но даже многие дальние знакомые. Когда вынесли гроб на улицу, то здесь скопилось народу более тысячи человек. Несмотря на то, что была приглашена катафалка, но ей не подыскались, потому что желающих нести гроб было так много, что менялись каждый квартал и все новые лица, несло одновременно 7-мь человек мужчин и крышку несли 4 девицы; всем хотелось чем-нибудь отдать последний долг хорошему человеку. По улицам города все время несли с пением псалмов и гимнов, шествие было очень большое, на кладбище у могилы Н. Ф. Шишкиным, сослуживцем прежних лет, Н. Е. Рябовым и П. Ф. Жабиным были сказаны горячие речи прошедшей жизни И. Н., что она должна, для нас многих остаться примером. После речей хор пропел: Святый Боже. Потом была совершена мо-

литва и гроб опустили в могилу. Вот и конец человеческой каждой жизни. С кладбища все гости были приглашены в молитвенный дом на молитву, потом был обед и чай. Во время обеда было сказано много речей, пели Псалмы по нотам и общие без нот, здесь также участвующих было так много, что всех желающих не вмещал молитвенный дом. Обед, чай, молитвенные собрания закончились в 10-ть часов вечера.

Да, много сострадания, сочувствия было вылито пред гробом жене и дочери. Мне хотелось бы подчеркнуть всем оставшимся в живых, что в Евангелии сказано: и так бодрствуйте потому, что не знаете в который час Господь ваш придет, потому и вы будьте готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий (Матфея гл. 24, ст. 42, 44). Дорогой наш брат в письме к своему другу от 10/II писал: пишу письмо с одним глазом, другой, правый, отказался служить, вчера была сильная головная боль, как обычно, а утром обнаружил, что глаз ничего совершенно не видит, собираюсь к доктору, поклон семейству (Подпись И. Рябов).

Человек собирался жить, была надежда на доктора, но Бог сказал: не знаете ни дня, ни часа, когда я вас отзову отсюда, будьте готовы. И мы, живые, зададим себе ныне вопрос: Готовы ли мы, а для того, чтобы быть готовым, нужно иметь плоды духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, кротость, воздержание, на таковых нет закона. (Посл. к Галатам, Гл. 5, ст. 22—23). И так дорогие друзья, чтобы быть всегда готовым, оставьте делать дела плоти, а они известны: они, суть: блуд, прелюбодеяние, нечистота, непотребство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное, поступающий так, Царствия Божия не наследует (Галатам Гл. 5, ст. 19 и 21). А поэтому каждому верующему человеку необходимо серьезно призадуматься над вопросом своей жизни, над вопросом учения Евангелия, чтобы каждый из нас всегда готов был встретить кончину своей земной жизни, с земными плодами духа.

Славьте Господа, призывайте имя Его, возвещайте в народах дела Его, воспойте Ему и пойте Ему, поведайте о всех чудесах Его (Псалом 104, ст. 1—2. Да будет Господу Слава во веки.

Вечная Память дорогому брату, Ивану Никитичу Рябову.

Н. Е. РЯБОВ.



Собщение с мест.

Из села Большая Грушица, Самарской губ. сообщают о посещении братства Самарской губ. нашим братом Егором Ильичем Зверевым, проповедником, лишенным зрения, который посетил несколько сел и провел несколько проповедей на разные темы, за что все братство тех сел, которые посетил Егор Ильич, приносят ему сердечную благодарность и просили меня поместить в журнале о его плодотворной работе.

Вот что пишет из села В. Глушицы, брат Николай Лаврентьевич Резванов, делегат 3-го Всесоюзного Съезда духовных христиан-молочан.

Дорогой брат в Господе Николай Федорович!

Прежде всего, плюю Вам сердечный братский привет и самые лучшие пожелания и полнейшего успеха в Вашей трудной работе на ниве Божией.

Сознавая тяжесть и трудность пути, по которому совершается трехлетнее плавание корабля нашего союза под Вашим руководством, мы яросим Вас, возлюбленный наш брат, старец Николай Федорович, бодрствовать и не падать духом, мужественно бороться против всяких невзгод, встречающихся Вам на Вашем трудном пути, на благо всего нашего братства. Я очень извиняюсь, что не сообщил до сего времени о жизни нашего братства в наших краях.

В феврале с/года наш край и вообще Самарскую губ. посетил дорогой брат наш, Егор Ильич Зверев из Омска. Я не в силах описать всех его бесед, скажу только, что он внес очень большое духовное оживление в наше братство. Слепой с малых лет, в таком преклонном возрасте, один без проводника он приехал к нам за тем, чтобы разбудить нас от духовной спячки, призвать нас к работе на ниве Божией. И что поразительно, так—его бескорыстие, его любовь к братству. Несмотря на то, что он слепой, безграмотный старик, однако, в познании слова Божия он велик, отсутствие физического зрения, не мешает ему глубоко заглядывать в сердца слушающих, его прекрасные проповеди, которые производят на слушателей глубокое впечатление, не щадя никого, он прямо говорит о наших слабостях, о нашей косности. На собрания собирались люди разных религиозных течений: мормоны, баптисты и православные, которые также остались довольны проповедями Егора Ильича, несмотря на то, что он не щадил и их, разбивал и их огрубелые сердца, указывая на их заблуждения в вопросах веры и исполнения ими видимых обрядов и постановлений человеческих. До сих пор в наших ушах звучат проповеди Егора Ильича.

Все наше Самарское братство сердечно благодарит вас за то, что вы просили его побывать у нас, а Егора Ильича благодарит за то, что он на старости лет трудится на ниве Божией. Пусть это будет примером для наших проповедующих братьев, которых выдвигают

нул 3-й наш съезд, на который почему-то сидят дома, не посещая братство.

С братскою любовью и сердечным почтением к Вам любящий брат Николай Лаврентьевич Раваков.

Из села Малой Шетневки, Балашиховского уезда получено следующее письмо:

Дорогому, никогда незабываемому нашему сердцу, старцу, со- труднику на ниве Божией, Николаю Федоровичу, Глубокоуважае- мый старец Николай Федорович, примите от искреннего моего серд- ца и глубочайшее почтение и пожелание Вам от Господа Бога всего наилучшего в Вашей трудной жизни.

Глубокая благодарность Вам за Ваши труды среди нашего братства по издательству Вами нашего родного журнала, который всеми нами горячо приветствуется и с жадностью читается, особен- но те Ваши статьи, в которых так остроумно объясняются тексты св. писания по вопросам обрядового служения, за эти статьи мы все искренно благодарим Бога даровавшего Вам также широкие познания, прочитывая Ваши статьи, мы все восхищаемся об- ширностью Вашего разума и светлону пониманию слова Божия. Все мы остаемся весьма благодарны Вам за то, что Вы выдер- жали великий подвиг страдания, остались тверды и непоко- лобимы в Вашей работе, несмотря на убийственную provoca- цию против Вас со стороны злонамеренных лиц, оказавшихся впо- следствии негодными людьми. Да продлит Творец небесный дни Вашей жизни для блага нашего братства и пусть будет оценен на- шим потомством Ваш великий труд по его достоинству. Надежда о Вас тверда в сердцах наших, памятью дело Вашей веры, труд любви и терпения в неутомимой работе. Да благословит Вас Гос- подь, Всемогущий творец неба и земли от ныне и во веки. Аминь. С любовью любящий Вас Павел Алексеевич Федоров.

Подписные деньги, а также статьи и письма для напеча- тания в журнале следует посылать по адресу: Москва, Гл. почтамт, почтовый ящик 1092. Совету Союза Молокан.

Адрес редакции: Москва, В. Спасская, д. № 41/2, кв. № 40
(во дворе) ТЕЛЕФ. № 5-53-00.

Ответств. редактор-издатель Н. С. Куликов

Задачей журнала „ВЕСТНИК ДУХОВНЫХ ХРИСТИАН-МОЛОКАН“ является обслуживание духовных, правовых интересов духовных христиан-молокан.

Благодаря этим своим задачам, журнал „ВЕСТНИК ДУХОВНЫХ ХРИСТИАН МОЛОКАН“ представляет глубокий интерес для всех, интересующихся религиозно-фил. вопросами; вместе с тем он доставляет богатый материал для изучения сектантства, а для духовных христиан наш журнал является родным печатным органом; в него стекаются сообщения о жизни духовных христиан всего Союза ССР и в нем принимают участие все литературные силы духовного христианства.

В программу журнала «Вестник духовных христиан-молокан» входят вопросы религии.

Журнал „Вестник духовных христиан-молокан“ не преследует целей наживы и всю чистую прибыль затрачивает на расширение и усовершенствование журнала и книгоиздательства при нем.

Рукописи просим переписывать четко на одной странице полулиста в двух экземплярах.

Условия подписки: Цена журнала с пересылкой за год—4 р. за полгода—2 руб. 50 к., за 3 месяца—1 руб. 50 к.

Подписные деньги, а также статьи и письма для напечатания в журнале следует посылать по адресу: Москва, Гл. почтамт, почтовый ящик 1062. Совету Союза Молокан.

Адрес редакции: Москва, Б. Спасская, д. № 41/2, кв. № 46 (во дворе) ТЕЛЕФ. № 5-53-00.

Прием по делам редакции по вторникам и четвергам от 12 до 12 часов дня.

Ответств. редактор-издатель Н. Ф. Кудин